

Горизонты Культуры

Звезда героя

Среди гудящего роя
Жизненной жажды — вдруг
Промчится Звезда Героя,
Меня привычный круг

Бега земных событий,
Русл накатанных слов,
Мыслей стереотипных
И отупляющих снов.

Промчит Звезда обновлений
Шлейфа сияющий дождь
Долины земных заустений
Питает,
вздыхая мощь

Посева Времен грядущих,
Полета крыльев мечты,
Сердец, неотступно несущих
Нетленный огонь Красоты.

Среди неумных желаний —
Пролет бескорыстия свет,
В глухих лабиринтах познаний —
Ясный оставит ответ.

Чарующей человечностью
Пронзит,
восхитит,
призовет!
Промчится Посланник Вечности
И новые звезды зажжет.

Татьяна Чечина

Опередивший время

Международная
научно-общественная
конференция
«100 лет
со дня
рождения
Юрия
Николаевича
Рериха»

Конференция, посвященная юбилею выдающегося ученого и путешественника Ю.Н. Рериха, состоялась в Международном Центре-Музее имени Н.К. Рериха (МЦР) 7—9 октября 2002 года. Ее органи заторами выступили МЦР, Благотворительный Фонд имени Е.И. Рерих, Отделение историко-филологических наук Российской академии наук, Российская академия естественных наук, Российская академия космонавтики им. К.Э. Циолковского, Российский фонд культуры, Международная ассоциация Фондов Мира, Международная Лига защиты культуры, Международный гуманитарный фонд «Знание», Федерация космонавтики России при поддержке Мастер-Банка, Информационного Центра ООН в Москве, Московского бюро ЮНЕСКО.

Информационную поддержку конференции осуществляли газеты «Век», «Подмосковье», «Правда», радио «Орфей».

В конференции участвовали представители 17 стран: Германии, Голландии, Индии, Испании, Италии, Кыргызстана, Латвии, Ливана, Монголии, Польши, США, Украины, Финляндии, Беларуси, Болгарии, Чехии, Эстонии. В ее работе приняли участие 16 действительных членов и членов-корреспондентов Российской и национальных, а также профильных академий наук, более 30 докторов и кандидатов наук.

Выступившие на конференции ведущие ученые-востоковеды, последователи и ученики Ю.Н. Рериха, общественные деятели России и зарубежных стран отмечали огромный вклад Юрия Николаевича в мировую и отечественную науку. Он оказал глубинное влияние на развитие исследований в таких областях, как этнопсихология, этнолингвистика, тибетология, индология, монголоведение.

Ю.Н. Рерих в совершенстве знал свыше 30 языков и диалектов, в том числе редкие наречия Тибета. Он принимал самое деятельное участие в Центрально-Азиатской и Маньчжурской экспедициях Н.К. Рериха, возглавлял Институт гималайских исследований «Урусвати» в Кулу (Индия). В 1957 г., вернувшись из Индии в СССР, он привез в дар народу России около 400 картин Н.К. Рериха. На Родине Ю.Н. Рерих возродил школу российской тибетологии, заложил фундамент новой науки — номадистики (изучение кочевых племен). В Институте востоковедения АН СССР он преподавал санскрит и тибетский язык. Ю.Н. Рерих был прекрасным специалистом в археологии и искусствоведении, в религиоведении и лингвистике. Он оказал влияние на осмысление такой основополагающей проблемы, как история становления современной материальной и духовной культуры Евразии. Его многочисленные труды («Тибетская живопись», «По тропам Срединной Азии», многотомный «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями» и другие) служат ярким примером следования неизменному научному принципу, раскрывающему механизмы взаимовлияния великих цивилизаций Азии, воспроизводящему удивительную по своему внутреннему колориту картину взаимопроникновения и диалога мировых культур.

К юбилейной конференции была приурочена выставка графических и живописных работ Юрия Николаевича Рериха из собрания МЦР. Центром-Музеем были изданы труды Ю.Н. Рериха «Тибетская живопись», «Буддизм и культурное единство Азии», полное собрание его писем, хранящихся в архиве МЦР, воспоминания о Ю.Н. Рерихе его друзей и учеников¹. В память о выдающемся русском востоковеде выпущен юбилейный почтовый конверт с портретом Юрия Николаевича Рериха.

К 100-летию знаменитого ученого и путешественника МЦР выпустил медаль «Ю.Н. Рерих», которой были награждены видные представители науки и культуры, выдающиеся общественные деятели, внесшие значительный вклад в развитие отечественной науки и культуры. В их числе президент Международной Лиги защиты культуры В.М. Афанасьев, член правления Благотворительного фонда им. Е.И. Рерих Н.М. Булочник, председатель правления Мастер-Банка, член правления МЦР Б.И. Булочник, академик РАН Г.М. Бонгард-Левин, Посол РФ в Республике Индия, член правления МЦР А.М. Кадакин, президент Российской академии естественных наук О.Л. Кузнецов, президент Российской федерации космонавтики В.В. Коваленок, председатель Правительства Москвы, мэр Москвы Ю.М. Лужков, начальник Управления мэра Москвы К.Б. Норкин, президент Российского фонда культуры Н.С. Михалков, советник президента Международной ассоциации Фондов Мира С.Е. Петелин, президент Международной ассоциации Фондов Мира А.Е. Карпов, президент Российской академии космонавтики им. К.Э. Циолковского В.П. Сенкевич, советник аппарата по культуре Госдумы Г.В. Семенова, президент Международного гуманитарного фонда «Знание» К.В. Фролов, вице-президент Российской академии естественных наук Г.Н. Фурсей, действительный член Российской академии наук, член президиума Российской экологической академии Ф.Т. Яншина и многие другие.

¹ Более подробно о новых изданиях МЦР читайте в рубрике «Библиофил».

Президиум конференции. Слева направо: Ю.М. Воронцов, Л.В. Шапошникова, директор культурного центра имени Дж. Неру Посольства Индии в Москве Сатбир Сингх, посол Индии в России Кришнан Рагхунатх

7 октября, в день открытия конференции, в зале Международного Центра-Музея имени Н.К. Рериха прозвучали величественные аккорды «Сказания о граде Китеже и деде Февронии» Н.А. Римского-Корсакова. А потом участники конференции с волнением слушали голос самого юбиляра, Юрия Николаевича Рериха. Это была запись его речи, произнесенной почти полвека назад, 28 апреля 1958 года, на открытии выставки его отца Н.К. Рериха в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина². Многие из присутствующих впервые слышали голос выдающегося ученого, человека редких душевных качеств, носителя высокой культуры. Его речь об отце, наполненная особой энергетикой, оптимизмом и удивительной сердечной теплотой, его четкая научная логика, простота и строгая ясность языка, с забытыми нюансами превосходного классического литературного слога, прозвучала для собравшихся в зале участников конференции камертоном абсолютной научной интеллигентности, которому сегодняшние ученые в своем общении не всегда умеют соответствовать.

Открыл конференцию президент МЦР, специальный представитель Генерального секретаря ООН, Чрезвычайный и Полномочный посол **Юлий Михайлович Воронцов**. Он приветствовал всех ее участников и выразил уверенность, что сообщения, доклады, воспоминания о Юрии Николаевиче Рерихе помогут создать объемное и многогранное представление о его культурном и научном творчестве, о нем самом и обо всей семье Рерихов. В своей вступительной речи, исполненной высокого пиетета к незаурядной личности Юрия Николаевича Рериха, президент МЦР охарактеризовал его как замечательного ученого, члена большой талантливой российской семьи Рерихов, который работал во славу науки и культуры в Индии и Гималаях, в Тибете и в России.

Первый вице-президент МЦР, генеральный директор Музея имени Н.К. Рериха, академик Российской академии естественных наук (РАЕН), Российской академии космонавтики имени К.Э. Циолков-

---

² Текст выступления Юрия Николаевича Рериха на открытии выставки Н.К. Рериха в 1958 г. в Москве публикуется в этом номере журнала.

Гости и участники конференции. В первом ряду сидят: Шаши Бала, Наджунда Рао, Тшеринг Дордже

Выступает А.В. Шапошникова

ского и Российской экологической академии **Людмила Васильевна Шапошникова** напомнила присутствующим, что самая первая конференция Международного Центра-Музея, состоявшаяся в 1992 году, тоже была посвящена Ю.Н. Рериху, его 90-летнему юбилею. Это дает повод посмотреть на пройденный за это десятилетие путь. Тогда у МЦР не было своего здания, юбилей отмечался в Ленинских Горках, в Музее имени В.И. Ленина. К той конференции удалось опубликовать одну-единственную книгу Юрия Николаевича, «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета». Сейчас многое изменилось: в отреставрированном здании открылся музей, юбилей мы отмечаем в собственном доме. Издано несколько книг Юрия Николаевича.

Людмила Васильевна сказала, что Юрий Николаевич не случайно с молодых лет серьезно интересовался военным делом, — он был воином по духу. Именно благодаря его таланту и познаниям в области тактики и стратегии Центрально-Азиатская экспедиция прошла невредимой по самым опасным дорогам, включая места, где орудовали бандиты. Будучи переводчиком, организатором и защитником каравана, он блестяще справился с возложенной на него задачей. Без него вряд ли могла состояться эта грандиозная и уникальная экспедиция, пока еще не оцененная должным образом отечественной географической наукой.

Юрий Николаевич вновь проявил свой организаторский талант, став вдохновителем, руководителем и директором Института Гималайских исследований

«Урусвати», в основе работы которого лежала древняя восточная традиция, основанная на принципе деятельности Ашрама, где вокруг Учителя собирались сотрудники, время от времени покидающие Ашрам, чтобы принести туда новые знания.

Он был единственным из семьи Рерихов, кому удалось вернуться на Родину и поработать во благо «Страны Лучшей». Это произошло во времена так называемой «хрущевской оттепели». Никита Сергеевич Хрущев, осматривая выставку Николая Константиновича Рериха в Дели, встретил там Юрия Николаевича. По его приглашению Ю.Н. Рерих приехал в Россию, получил советское гражданство и начал работать в Институте востоковедения, возглавив очень сложный отдел культуры и религии Востока. За короткое время ему удалось сделать невероятно много. Он расширил пространство преподавания древнеиндийского языка санскрита, возродил буддологическую школу, добился возобновления издания серии научных трудов по буддийской философии и культуре — «Bibliotheka Buddhica», заложил фундамент многих новых отраслей востоковедения, вдохнул жизнь в школу отечественной тибетологии. Атмосфера, в которой он здесь жил и работал, была невероятно сложной и тяжелой. В 30-е годы в СССР востоковедение подверглось разрушению в не меньшей, а в гораздо большей степени, нежели всем хорошо известная генетика. Значительная часть специалистов по культуре Востока была к тому времени или арестована, или расстреляна. Произошло столкновение между теми, кто представлял фундаментальное востоковедение, и теми, кто занимался достаточно узкими проблемами. Когда Юрий Николаевич приехал в Советский Союз, востоковеды занимались в основном новейшей историей Востока, а точнее, политологией и экономикой. А Восток без культуры — это не более чем пустое географическое пространство. Именно Ю.Н. Рерих создал в отечественном востоковедении научную школу, занимающуюся историей и культурой Востока, давшую современной науке плеяду выдающихся ученых.

Коллеги по работе называли его буржуазным ученым, идеалистом, сотрудники аппарата ЦК КПСС жестко и регулярно вторгались в его работу, создавая невыносимые условия для научной и творческой деятельности. Характерен в этом смысле пример с выходом в свет «Дхаммапады». Когда тираж был отпечатан, «благожелатели» Юрия Николаевича донесли в ЦК, что издана «идеалистическая и реакционная» книга. Тираж был арестован, никакие уговоры и объяснения действия не возымели. Тогда Юрий Николаевич с великим трудом достал один экземпляр книги и выслал его с соответствующим письмом премьер-министру Индии Джавахарлалу Неру. (Семья Рерихов и Неру дружили между собой.) Через некоторое время в ЦК КПСС и в правительство пришло письмо от премьер-минист-

ра Индии с благодарностью за то, что наконец в Советском Союзе по-настоящему начинают изучать культуру Индии. Арест с книги был снят, и она увидела свет. Кроме всего прочего этот случай иллюстрирует находчивость Юрия Николаевича, его деятельную энергию и умение найти выход из любой, самой, казалось бы, безвыходной ситуации.

Ярлык «буржуазного ученого» не мешал коллегам по институту нагружать его всем, что сами они делать не хотели или не умели. Он брался за все поручения и всегда выполнял их безупречно и блестяще. Недоброжелательство и постоянные помехи в работе не могли не сказаться на здоровье Юрия Николаевича, его сердце не выдержало. Он ушел от нас весной 1960 года. Российская востоковедческая наука потеряла одного из самых видных и значительных ученых.

Роль Ю.Н. Рериха не ограничивалась только его научной деятельностью. Он приложил много усилий, чтобы вернуть Родине славные имена своих родителей, привез на Родину коллекцию из 400 картин своего отца, Николая Константиновича Рериха, он выступал с лекциями и докладами, именно от него многие наши соотечественники впервые узнали о существовании учения Живой Этики.

«В своих сыновьях, — сказала, завершая свое выступление, Людмила Васильевна, — Николай Константинович как бы раздвоился: Святослав Николаевич стал известным художником, а Юрий Николаевич — ученым с мировым именем. Все это было слито воедино в их отце. Эту мысль нам еще предстоит осознать, взглянув на деятельность двух великих сыновей через призму творчества их великого отца».

С приветственным словом к участникам конференции обратился Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Индия в России господин **Кришнан Рагхунатх**. В Индии чтят память Ю.Н. Рериха, прежде всего потому, что он был великим сыном России, оставаясь в то же время великим гражданином мира. Продемонстрировав великолепное знание философских идей Рерихов, господин посол обратил внимание присутствующих на слова Л.В. Шапошниковой о том, что один брат представлял мир искусства, а другой принадлежал миру науки. «Это знаменательно еще и потому, — отметил посол, —

Президент МЦР Ю.М. Воронцов вручает юбилейную медаль «Ю.Н. Рерих» Чрезвычайному и Полномочному послу Республики Индия в России г-ну Кришнан Рагхунатху

Анатолий Евгеньевич Карпов, многократный чемпион мира по шахматам, посол Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), президент Международной ассоциации Фондов Мира

нитой семьи Рерихов. В фундамент будущего мемориала был торжественно заложен первый камень.

В настоящее время разрабатывается план восстановления Института гималайских исследований «Урусвати» в Наггаре. Индия намерена и в дальнейшем поддерживать популяризацию огромного наследия семьи Рерихов, включая издание работ Юрия Николаевича.

Директор Института Читракала-Паришад профессор **Наджунда Рао** (Бангалор, Индия) рассказал, что Святослав Николаевич Рерих подарил Институту Читракала-Паришад 36 картин Николая Константиновича, а также ряд своих собственных более поздних работ. Руководство Института передало правительству Индии 16 картин из этой коллекции для организации национального Музея.

При Институте Читракала-Паришад организован колледж, в котором обучаются искусству более шестисот студентов. Аспирантура при колледже носит имя Рериха. В ближайшее время планируется учредить именные стипендии для студентов, которые стараются работать в стиле и технике письма, созданных великим русским художником. Выпущен альбом репродукций картин Н.К. и С.Н. Рерихов, выставленных в галерее Читракала-Паришад. При содействии российского посла в Индии господина А.М. Кадакина опубликована книга, которая называется «Николай Рерих в индийских журналах». Институт Читракала-Паришад намерен и в дальнейшем всемерно способствовать распространению наследия великих Рерихов в Индии.

Олег Леонидович Кузнецов, президент Российской академии естественных наук, ректор Международного университета «Природа, общество, человек» (г. Дубна), высоко оценил многогранную деятельность МЦР в деле сохранения и изучения рериховского наследия, которое несет великий свет семье Рерихов в мировую науку и культуру. Олег Леонидович в 80-е годы занимался созданием одной из самых крупных в мире геоинформационных систем «Геос», был генеральным конструктором и научился по-новому смотреть на Землю, человека и общество. По роду деятельности ему необычайно близко все, чем занимались Рерихи, так как в рамках научных моделей, экспериментальных и теоретических, невозможно описать все многообразие явлений, с которыми сталкивается современная наука. Нужны иные модели сознания, которые позволят подойти к синтезу как естественных, так и гуманитарных знаний и которые можно найти в творческом наследии Рерихов.

Анатолий Евгеньевич Карпов, многократный чемпион мира по шахматам, посол Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), президент Международной ассоциации Фондов Мира, напомнил собравшимся о том, как создавался Международный Центр Рерихов (Советский фонд Рерихов). Переговоры о создании фонда шли тогда на всех уровнях, это был сложный и долгий процесс. Анатолий Евгеньевич встречался со Святославом Николаевичем Рерихом, который прилетел в Москву для переговоров с

что в свое время Николай Рерих говорил о новой эре, которая будет покоиться на краеугольных основаниях Знания и Красоты».

В своем выступлении господин посол напомнил об историке Владимире Стасове, творчество которого повлияло на всю семью Рерихов, укрепив их в стремлении углублять и расширять связи между Западом и Востоком. По этому поводу он привел замечательное выражение Н.К. Рериха: «Лучшие розы Востока и Запада одинаково благоухают».

Семья Рерихов всей своей деятельностью способствовала сближению Востока и Запада. В Индии сейчас идут съемки фильма о Юрии Рерихе, производству которого оказывается всемерная помощь со стороны государства. Премьер-министр Индии господин Ваджпай, являясь Почетным попечителем Международного мемориального треста Рерихов, подарил крупную сумму денег для восстановления дома Рерихов в Наггаре. Решением суда штата Карнатака, состоявшегося 16 июля 2002 года, имение «Татагуни», где жили Девика Рани и Святослав Рерих, сохраняется как наследное поместье. Правительство штата Карнатака приняло решение о создании в имении «Татагуни» Мемориала в честь знаменитой

Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Святослав Николаевич сказал тогда о том, что правительства приходят и уходят, и нет никакой уверенности в гарантиях на сохранение преемственности. Он подчеркнул, что у него было бы больше доверия, если бы такая имеющая весьма высокий международный авторитет организация, как Фонд Мира, и лично Анатолий Карпов как его руководитель приняли участие в создании рериховского фонда в качестве одного из учредителей. Такие гарантии со стороны Советского Фонда Мира были даны. Анатолий Евгеньевич и Международная ассоциация Фондов Мира с тех пор причастны к проблемам наследия семьи Рерихов и их идеям.

Анатолий Евгеньевич пожелал успехов коллективу Музея и тем, кто помогает в его строительстве, в пополнении его коллекции, кто продолжает вопреки трудным временам делать благие и добрые дела.

Воспоминаниями о Ю.Н. Рерихе поделились его ученики и все, кому в далекие 50-е годы посчастливилось общаться с Юрием Николаевичем.

Шагдарен Бира³ (Улан-Батор, Монголия), генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведения, академик АН Монголии, рассказал о годах своей учебы у Ю.Н. Рериха, об организации первого Международного конгресса монголистов, в котором Юрий Николаевич принимал самое живое участие. Господин Бира говорил об огромном жизненном потенциале Монголии и о связи ее культуры с творческим наследием Ю.Н. Рериха. Он вручил Л.В. Шапошниковой архивные фотографии, запечатлевшие пребывание Ю.Н. Рериха в Монголии.

Академик РАН **Григорий Максимович Бонгард-Левин**, вспоминая свои первые шаги в науке, сказал, что ему исключительно повезло в жизни: закончив восточное отделение исторического факультета МГУ, он был принят на работу в Институт востоковедения. Это было в далеком 1956 году. Летом 1957 года Григория Максимовича вызвал директор Института востоковедения (позднее академик) Бободжан Гафурович Гафуров и сказал: «Поедете на Ленинградский вокзал встречать Рерихов — они приезжают в Россию». «Состояние было довольно странное, — рассказывает Григорий Максимович, — я не очень себе представлял тогда, кто такие Рерихи. Мне было 24 года, я знал картины художника Н.К. Рериха, но о Юрии Николаевиче еще не слышал, его научная деятельность была нам недоступна, трудов его здесь практически не было; я же занимался тогда эпиграфикой, а не буддизмом и тибетскими текстами. Таким образом, я оказался одним из первых, кто встретил на родине Юрия Николаевича и двух его попутчиц — Ираиду Михайловну и Людмилу Михайловну. Затем было переселение из гостиницы «Ленинградская» в квартиру, перенос книг, рукописей, которые потом составили прекрасную коллекцию тибетских рукописей Института востоковедения. Мне вновь исключительно повезло: Юрий Николаевич взял меня и Шагдарена Биру (ныне выдающегося монгольского ученого) в аспирантуру. Почти три года два раза в неделю мы вместе с Викторией Викторовной Вертоградской (ныне доктором филологических наук) ходили на Ленинский проспект к Юрию Николаевичу изучать ведический санскрит. Вокруг висели картины Николая Константиновича, было много книг, посередине стоял большой письменный стол». Григорий Максимович с болью рассказал о современном состоянии мемориальной квартиры Ю.Н. Рериха. По его словам, царящая там атмосфера оставляет горькие чувства. Но в квартире остались вещи Юрия Николаевича, его дух, и это обязывает нас позаботиться о том, чтобы сохранить все, что там было при его жизни. Наш общий долг перед Юрием Рерихом, чтобы его квартира, где висят картины его отца и брата, где находятся многие из его книг, стала нако-

³ Доклад Ш. Бира «Воспоминания об учителе Ю.Н. Рерихе» публикуется в этом номере журнала.

Монгольский ученый, академик Шагдарен Бира

Академик Г.М. Бонгард-Левин

нец музеем, достоянием народа России, чтобы туда приходили и ощущали талант и научный подвиг Юрия Николаевича все, кому дороги традиции Рерихов.

Беседа с аспирантами, Юрий Николаевич рассказывал, что не однажды пырвался приехать в Россию, в которую глубоко верил и которую любил. В начале Второй мировой войны он, как известно, хотел пойти на фронт, чтобы сражаться с врагами России. Но приехал только в 1957 году, стал работать в Институте востоковедения, руководил сектором, развернул титаническую научную, научно-организационную и преподавательскую деятельность по восстановлению тибетологических, монголоведческих, санскритских и уйгурских исследований в России. Работать в институте ему было приятно — появились ученики, он вел занятия, ездил в командировки по стране, представлял российскую науку за рубежом, много печатался. В институте он пользовался огромным уважением. Когда на заседаниях появлялся Юрий Николаевич, общий настрой резко менялся — научный авторитет его был исключительно высок. Прекрасные академические манеры, превосход-

ный, изысканный русский язык (такой, на котором уже почти никто не говорит), строгость и самостоятельность суждений, необыкновенная доброжелательность, и в то же время некая отчужденность, дистанция, — черты, которыми редко обладали люди, окружавшие его в огромном по численности и разношерстном по составу институте и научном сообществе в целом. Это была, конечно, отчужденность особого типа, отнюдь не высокомерие и не пренебрежение, а достоинство и самостоятельность в позиции и поступках.

Вместе с тем работать Юрию Николаевичу не всегда было легко. Он не мог понять партийно-бюрократического типа отношений, которые проявлялись и в институте, и во многих других, как говорили тогда, инстанциях. Он просто не понимал, почему люди, не имеющие отношения к науке, берутся обсуждать и осуждать его взгляды на буддизм или на рождение Будды, почему «высшие инстанции» занимаются такими вопросами.

20 мая 1960 года Юрий Николаевич скоропостижно ушел из жизни. «Узнав о случившемся, — вспоминает Григорий Максимович, — я приехал на квартиру Юрия Николаевича и получил из рук Ираиды Михайловны и Людмилы Михайловны один очень дорогой для меня документ. Незадолго до этого я написал рецензию на русское издание «Артхашастры». Это была одна из моих первых индологических работ, и ее направили на отзыв Юрию Николаевичу как члену редколлегии журнала «Советское востоковедение». Именно в этот трагический день, по прошествии всего нескольких часов после смерти Юрия Николаевича, домашние передали мне его отзыв на мою работу, еще не отправленный в редакцию. Отзыв доброжелательный, на нем стояла дата — 20 мая 1960 года. По-видимому, это было последнее, что Юрий Николаевич успел написать». Григорий Максимович сказал, что Юрий Николаевич прошел через всю его жизнь и чувство глубокого почтения и любви к учителю сохранится в нем навсегда.

После ухода Юрия Николаевича его богатейшая библиотека согласно завещанию была передана в Институт востоковедения, на ее основе там был создан Мемориальный кабинет Ю.Н. Рериха. С приветствием к гостям конференции обратился заведующий Мемориальным кабинетом **Юрий Яковлевич Цыганков**. Он рассказал о работе библиотеки, бессменным хранителем которой является по сей день.

Кандидат исторических наук, директор Центра ноосферной защиты имени академика Н.Д. Зелинского **Андрей Николаевич Зелинский** познакомился с Юрием Николаевичем Рерихом в 1958 году. «Это была личность необыкновенных человеческих качеств, — вспоминает Андрей Николаевич. — В нем удивительным образом сочетались великое научное творчество с величиной и масштабом духа.

Духовные горизонты личности и горизонты научного творчества, будучи соединены вместе, находились в этом человеке на одной недостижимой высоте».

При знакомстве Юрий Николаевич подарил А.Н. Зелинскому книгу «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета». В этой книге Юрий Николаевич выступает как представитель целого направления русской исторической мысли — евразийства, которое многие годы находилось в забвении и о котором сегодня начинают все больше вспоминать. Основателями этого направления были замечательные русские ученые Сергей Николаевич Трубецкой, Георгий Владимирович Вернадский (сын знаменитого Владимира Ивановича Вернадского) и Петр Николаевич Савицкий. Во время бесед Юрий Николаевич часто вспоминал и Вернадского и Савицкого, с которыми он переписывался. Другой проблемой, которую Юрий Николаевич глубоко знал и изучал, был буддизм. Центральная мысль в его труде «Буддизм и культурное единство Азии» состоит в том, что религия, в самом широком и глубоком смысле этого слова, является единственным реальным связующим планетарным фактором, который нравственно и духовно объединяет огромные пласты населения, дает им смысл бытия и возможность противостоять нравственной энтропии.

А.Н. Зелинский особо остановился на небольшой, но очень ценной работе Ю.Н. Рериха «К изучению Калачакры», которая связана с проблемой времени в ее глубинном смысле. Поскольку время уносит все, то должно быть нечто, что этому противостоит. Таким является человеческое сознание, человеческий дух. Само понятие «Калачакра» (в переводе с санскрита «Колесо Времени») содержит не только религиозный и философский смысл, но является одновременно священным календарем буддизма. Принцип Колеса

Времени, организации времени в сознании человека и сообщества, которому он принадлежит, является системой, где концентрируются самые высокие духовные ценности личности, а следовательно, и нации.

«Юрий Николаевич говорил, что только сильные личности предназначены передавать будущему поколению сосуд со священным пламенем. Именно такой сильной и необыкновенной личностью был он сам. Если суммировать темы наших разговоров, то наиболее частыми были беседы о буддизме, о кочевом мире евразийских степей, о роли духовной культуры в сохранении и развитии мировой цивилизации, многозначности символа Знамени Мира и о многом другом. Мне тогда удалось понять, что духовная жизнь — это то, что противостоит потоку текущего времени, то, что помогает и обязывает нас сохранять национальную культуру, к которой мы принадлежим».

Андрей Николаевич рассказал о встрече Ю.Н. Рериха с Л.Н. Гумилевым, их беседе об уничтожении манихейскими антропоморфных памятников кочевой Уйгурии, о западной культуре, главные бичи которой — культ денег и культ техники — затрудняют любое духовное развитие. В июне 1959 года Юрий Николаевич взял А.Н. Зелинского в поездку в Переславль-Залесский и Троице-Сергиеву лавру. В Переславле-Залесском они посетили Спасо-Преображенский монастырь, где когда-то крестили князя Александра Невского, первого евразийца.

Кончину Юрия Николаевича Зелинский перенес как личную катастрофу. Неожиданная смерть ученого явилась для него толчком, который заставил продолжить изыскания Юрия Николаевича, в частности, в области Калачакры — Колеса Времени, как определенной модели того, что поддерживает духовный ритм в сознании человека, этноса, культуры на протяжении исторического развития. Им были созданы модели различных культур (Зороастрийская, Буддийская, Христианская, Исламская, Индийская и Китайская) по принципу «литургических парадигм» или «Колес Времени», как священных календарей человечества, демонстрирующих духовную и культурно-историческую структуру мировой цивилизации.

Живой образ удивительно талантливого, мудрого, высокодуховного и отзывчивого человека воссоздали в своих воспоминаниях о Юрии Николаевиче **Кира Алексеевна Молчанова**, председатель Эстонского общества имени Н.К. Рериха (г. Таллин, Эстония), **Илзе Рихардовна Рудзите**, член Союза художников России, **Мария Филипповна Дроздова-Черноволенко**, вдова замечательного художника В.Т. Черноволенко.

Для всех, кто встречался с Юрием Николаевичем, эти встречи стали вехами духовного пути, вспышками нездешнего света, поменявшими обыденное течение жизни. Юрий Николаевич как ни

А.Н. Зелинский демонстрирует созданные им модели «Колеса Времени» разных культур

кто другой умел найти нужные слова, поддержать человека в его осознанном решении, пусть и противоречащем всему, что его окружало. Общение с Юрием Рерихом вселило в Виктора Черноволенко художника-космиста, не признанного советским идеологизированным обществом, уверенность в том, что его творчество необходимо людям. Юрий Николаевич говорил, что «постижение основных путей развития человечества — это шаг к пониманию собственной личности». И масштабы его собственной личности действительно вмещали общечеловеческое.

По воспоминаниям Илзе Рихардовны Рудзите, которые были зачитаны на конференции Е.Н. Черноземовой, Юрий Николаевич обладал необыкновенной подвижностью сознания, широтой мышления, диапазон его познаний был необычайно велик. Он удивительно умел говорить с детьми, одновременно о самом сокровенном и о бытовом, каждодневном. Через все странствия он пронес любовь к Родине, он был убежден, что ее духовный расцвет важен для судеб всего мира.

Огромную роль Юрий Николаевич сыграл в жизни К.А. Молчановой, тогда, в далекие 50-е годы, юной девушки, напряженно ищущей смысл жизни. «Без слов и объяснений, ничего не зная обо мне, он понял, что мне нужно, и дал это. Под впечатлением его доброжелательства, его улыбки я продолжаю жить и сейчас. На примере личности Юрия Николаевича я поняла, что такое духовность и что такое духовный человек». Когда в Москве проходила выставка Николая Константиновича, организованная его старшим сыном, Кира Алексеевна запомнила слова Юрия Николаевича об удачном и знаменательном взаиморасположении картин Н.К. Рериха и икон Андрея Рублева, экспонировавшихся в соседнем зале. Он отметил, что произведения обоих художников отличаются особенной чистотой красок, которая говорит о многом.

Для Юрия Николаевича путеводной звездой был жизненный подвиг его великих родителей. В монографии о Центрально-Азиатской экспедиции он написал: «Я посвящаю эту книгу родителям своим,

В зале конференции: М.Ф. Дроздова-Черноволенко, Ф.Т. Янишина, К.А. Молчанова

которые подвигли меня на стезю науки и с детства вдохнули в мою душу жажду новых открытий и исканий». Его жизнь тоже стала подвигом, а он сам — светочем для многих и многих.

Грани научного и жизненного подвига Юрия Николаевича Рериха были раскрыты в научных докладах, которые дали широкую панораму многогранных исследований его учеников и последователей, продолживших дело своего учителя.

Шаши Бала (Индия), сотрудница Института национального музея и Международной академии индийской культуры, выступила с докладом «Изучение Шамбалы и Учения Калачакры Н.К. и Ю.Н. Рерихами как символ русско-индийской дружбы», где были проведены параллели между индийской и русской культурой на примере изучения эпоса о легендарной стране Шамбала.

Глубоким философским аспектам изучения Калачакры посвятил свое выступление «Категория времени в тибетском буддизме и в трудах Ю.Н. Рериха» академик Российской академии естественных наук, член Союза писателей **Сергей Юрьевич Ключников**.

Доклад буддолога профессора **Тшеринга Дордже** (г. Кейланг, Индия) «Изучение доктором Ю.Н. Рерихом тибетских диалектов Лахула и церемонии Разбивания Камня»⁴ сопровождался ценными этнографическими наблюдениями и был проиллюстрирован последними археологическими находками в области Лахула.

Еще одному классическому исследованию был посвящен доклад доктора филологических наук, заместителя ректора Софийского университета «Святой Климент Орхидски» **Александра Викторовича Федотова** (г. София, Болгария) «Добуддийский Тибет в работе Ю.Н. Рериха “Звериный стиль у кочевников Северного Тибета”»⁵.

Доктор философских наук, профессор Алтайского государственного университета **Андрей Владимирович Иванов** (г. Барнаул) в докладе «Творческое наследие Ю.Н. Рериха и мировоззрение евразийцев», коснувшись судеб отечественных вдохновителей евразийства, убедительно показал, что это направление научной мысли отнюдь не музейный экспонат, а действующая система глубоких и перспективных идей. Взгляды евразийцев тесно связаны и во многом сближаются со взглядами Рерихов: это неприемлемость позиции европоцентризма в понимании истории и культуры; взгляд на историю как на синтетическую науку, пользующуюся методами и идеями других дисциплин и призванную объединять народы, вскрывая их глубинные исторические связи и общие корни. Кроме того, идеям Рерихов чрезвычайно созвучна мысль евразийцев о том, что Россия представляет собой особый евразийский культурно-исторический мир, имеющий не только великое прошлое, но и грандиозные задачи в будущем. Близость мировоззренческих установок можно проследить еще в нескольких ключевых пунктах: приоритетная роль духовного начала в жизни общества, критика западной механистической и техногенной модели цивилизационного развития, объективная оценка советской власти в совокупности ее положительных и отрицательных моментов. Вместе с тем в мировоззрении Рерихов преодолены некоторые слабые стороны, свойственные мировоззрению евразийцев, — они, как известно, переоценивали государственно-централизованные начала в жизни общества и, наоборот, недооценивали общинно-вечевые начала в России—Евразии, а также абсолютизировали роль православной церкви в русской культуре. В отношении последнего положения именно идеи Ю.Н. Рериха об огромной позитивной роли буддизма в становлении восточной и евразийской культур могут рассматриваться как существенный вклад в

Буддолог Тшеринг Дордже приехал из Индии

⁴ Полный текст доклада Т. Дордже читайте в этом номере журнала.

⁵ Полный текст доклада А.В. Федотова читайте в этом номере журнала.

А.В. Иванов — профессор Алтайского государственного университета

разработку духовных основ современного евразийского мировоззрения.

Двум полюсам притяжения исследовательского интереса Ю.Н. Рериха — Индии и Китаю — были посвящены доклады доктора филологических наук, профессора кафедры восточных языков Высшей школы иностранных языков при МИД РФ **А.П. Гнатюк-Данильчука** «Некоторые заметки об индологических работах Ю.Н. Рериха» и **Александра Николаевича Хохлова**, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН. В сообщении на тему «Юрий Николаевич Рерих и его контакты с востоковедами» А.Н. Хохлов проследил историю интереса Ю.Н. Рериха к китайскому языку по архивным документам и автографам на книгах, подаренных китаеведами великому русскому ученому.

Игорь Владимирович Диваков, кандидат географических наук, генеральный директор Международного гуманитарного фонда «Знание», зачитал приветственный адрес фонда «Знание» и сделал сообщение о проблемах воспитания подрастающего поколения в современных условиях. «Доброжелательно направить молодое мышление к светлым путям будущего», — этот завет Н.К. Рериха особенно актуален сегодня.

Художник, преподаватель, председатель Украинского отделения МЦР **Владимир Андреевич Козар** (г. Киев, Украина) в сообщении «Посещение Ю.Н. Рерихом

Киева в 1958—1959 годах. Встречи, события, отзвуки» провел параллели между драматическими событиями того времени в среде творческой интеллигенции, среди украинских художников и архитекторов (на примере деятельности «шестидесятников») и направлениями научной деятельности Ю.Н. Рериха. Юрий Николаевич три раза был в советском Киеве. В одну из своих поездок в 1959 году он провел атрибуцию коллекции тибетских тханок и ритуальной бронзы Киевского музея западного и восточного искусств (теперь — Музей искусств им. Богдана и Варвары Ханенко). Как отмечают современные украинские специалисты, составленное Юрием Рерихом описание этой коллекции и по сей день является эталонным.

Ведущий научный сотрудник Национального музея Т.Г. Шевченко **Николай Владимирович Скиба** (г. Киев, Украина) в докладе «Этнологический аспект востоковедческих изысканий Ю.Н. Рериха» рассмотрел проблемы циклической концепции исторического процесса и соотношения востоковедения и этнологии. Центральная тема доклада — осмысление опыта исследований Юрием Рерихом интерьерных, глубинных аспектов культуры, духовных традиций Востока. В научной работе Юрий Николаевич отдавал предпочтение междисциплинарному подходу. Изучая Индию, Тибет, Центральную Азию с точки зрения археологии, истории, лингвистики, этнологии, ученый значительное внимание уделял непосредственному общению с носителями этих традиций. Он блестяще владел методами полевой этнографии. «Включенное» или «участвующее» наблюдение для Рерихов — это не только исключительная профессиональная чувствительность к «расширяющимся смыслам культуры», но глубокая личностная заинтересованность в диалоге и созвучие духовного опыта исследователя с изучаемым явлением. Именно этот внутренний опыт Юрия Николаевича, заключенный нередко «между строк» его научных трудов, составляет в его наследии не меньшую ценность, нежели объем фактов и принципиально новые методологические принципы.

Кандидат философских наук, сотрудник Института истории естествознания и техники РАН **Елена Николаевна Молодцова** в докладе «Личностные методы передачи знаний в научной школе Ю.Н. Рериха» поделилась воспоминаниями о годах учебы у преподавателей, которые были учениками Юрия Николаевича. Октябрина Федоровна Волкова и Александр Моисеевич Пятигорский были сотрудниками Института востоковедения, они обладали необычайным личным обаянием и восхищали студентов глубоким знанием Востока. Современная научная традиция философского анализа утрачивает, к сожалению, многое из того, чем была сильна научная школа Юрия Рериха. Сложившийся сегодня подход к тексту предполагает, что исследователь, по определению, более умен и мудр, чем сам текст. Находясь «над» ним, он препарировывает и разбирает его. Такой подход был чужд Юрию Николаевичу и его

ученикам, они воспитывали в студентах умение учиться у текста, понимать, какой энергетический заряд в нем заложен, что он говорит лично читающему. Октябрина Федоровна и Александр Моисеевич, читая «Бхагавадгиту» на санскрите, открывали ученикам массу непередаваемых смыслов, не имеющих аналогов в русском языке. Такой подход был определен Еленой Николаевной как включение в текст, которое тем более актуально, если речь идет о восточных трудах, многозначность которых является их главным отличительным признаком.

Творческий аспект научной преемственности был освещен в докладе кандидата технических наук, сотрудника Киевской астрономической обсерватории Национальной академии наук Украины **Татьяны Павловны Сергеевой**. Она сделала сообщение «О научном творчестве Н.К. и Ю.Н. Рерихов: преемственность и взаимодействие», опираясь на путевые заметки о Центрально-Азиатской экспедиции Николая Константиновича и его старшего сына. Исторические образы Азии, запечатленные художником и ученым Н.К. Рерихом, яркие и убедительные сами по себе, находили доказательное подтверждение в детальном исследовании Ю.Н. Рериха. Единство мировоззрений и полное взаимопонимание приносило удивительные результаты, позволяло Рерихам проводить исследования на взаимодополняющих и взаимообогащающих уровнях. Николай Константинович изучал культурно-историческую эволюцию человечества с широкой, обобщающей позиции художника, ученого и мыслителя, выявляя непреходящие элементы традиций, которые формировали механизм культурной преемственности, идущей из глубокой древности через настоящее к будущему. Глубочайшие познания Юрия Николаевича в области языкознания, филологии и этнографии, а также детальное знание истории изучаемых народов позволяли ему, опираясь на широкую культурно-историческую панораму, создаваемую отцом, всесторонне исследовать и давать научное описание этих процессов, вписывать их в конкретные исторические события.

Кандидат географических наук, старший научный сотрудник МЦР, заведующий сектором географии культуры и искусства Института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева **Ольга**

Гости конференции

В перерыве между заседаниями. Ответственный секретарь МЦР В.В. Фролов и референт по связям с отделениями МЦР Т.А. Иванова

Александровна Лавренова посвятила свое сообщение Маньчжурской экспедиции 1934 — 1935 гг., где Юрий Николаевич проявил себя не только как ученый и талантливый организатор, но как человек универсальных знаний и возможностей. В его ведении было написание научных (ботанических!) и финансовых отчетов в Министерство сельского хозяйства США, и отправка семян и гербариев, и дипломатические контакты с чиновниками, и приобретение и распродажа оборудования. Со всем этим Ю.Н. Рерих справлялся блестяще, демонстрируя мастерство деловой переписки, от успеха которой порой зависела жизнь участников экспедиции, и недюжинные знания в ранее совершенно незнакомых ему областях исследования.

«Синтез знаний — основа деятельности института «Урусвати» — так обозначил тему своего сообщения **Михаил Николаевич Чирятьев**, председатель Санкт-Петербургского отделения МЦР, вице-президент Между-

народной Лиги защиты культуры (г. Санкт-Петербург). Чрезвычайно содержательная и устремленная в будущее научно-исследовательская деятельность Института «Урусвати» в 30-х годах XX века неразрывно связана с личностью его первого и единственного директора — Ю.Н. Рериха. Еще в юные годы Ю.Н. Рерих интересовался метанаукой, поиском духовных основ научного знания. Он начал свои изыскания через искусство, которое открыло пути науке. Впоследствии это нашло отражение в целостном и глубоком изучении культурно-исторической реальности азиатских народов, их великих миграций и культурного единства, созданного буддизмом. В 1928 г. был открыт Институт «Урусвати», основным принципом работы которого стал синтез древних знаний и последних научных открытий. Была создана новая научная методология. Советниками института являлись Эйнштейн, Деборль, Бош и другие великие ученые XX века. Именно там был заложен магнит новой науки, который продолжает притягивать выдающихся ученых современности. М.Н. Чирятьев подарил МЦР рукопись героического стихотворения «Каменный витязь», написанного Юрием Рерихом в 12 лет.

Основы новой науки, созданной Ю.Н. Рерихом, дали свои ростки. В развитие научных направлений, заложенных великим ученым, на юбилейной конференции был сделан ряд сообщений.

Особенно интересны современные исследования в области номадистики, основанной Ю.Н. Рерихом.

Кандидат исторических наук, доцент Кыргызско-Российского славянского университета **Валентина Алексеевна Воропаева** (г. Бишкек, Кыргызстан) в докладе «Ю.Н. Рерих о духовном и психологическом в мире кочевников (в контексте истории кыргызов)» рассказала о географических, археологических, этнографических и лингвистических исследованиях, проведенных Ю.Н. Рерихом в Центрально-Азиатской экспедиции, которые были обобщены им в монографии «Путь к сердцу Азии», изданной в Лондоне в 1931 году. Основные исследования о причинах миграций народов, продолжавшихся на протяжении 15 веков, связанных в том числе с еще малоизученной психологией Орды, были сделаны Юрием Николаевичем в самые критические для экспедиции дни, когда происходило известное пятимесячное стояние 1927—1928 гг. в урочище Чунарден на высоте 5 тыс. метров. Рассказав об исследованиях кыргызских ученых, посвященных буддийским памятникам Кыргызстана, докладчик подчеркнула мысль об общности исторических событий, происходивших в Кыргызии, Монголии и у ряда других народов. Выступление завершилось выводом о все большем значении, которое приобретает в современном мире Кыргызстан, становясь своеобразным культурным мостом между Востоком и Западом.

Заведующий отделом археологии и этнографии НАН Кыргызской Республики, доктор исторических наук, профессор **Имель Бакиевич Молдобаев** (г. Бишкек, Кыргызстан) в докладе «К вопросу о сравнительном изучении “Гесэра” и “Манаса” в свете трудов Ю.Н. Рериха» кратко изложил содержа-

Рабочее заседание Международного Совета периферических организаций

ние известного кыргызского героического эпоса «Манас», где в художественной форме отражена многовековая борьба кыргызского народа за свою независимость и свободу. Будучи своеобразной устной летописью народа, «Манас» играл огромную роль в культурной жизни кыргызов. Это поэтическая энциклопедия сведений о языческих верованиях, о трех мировых религиях, об истории, философии, этнографии, фольклоре, медицине, музыкальной культуре и т. д. Большая часть доклада посвящена сравнительному анализу эпосов о «Гесэре» и «Манасе», параллелям между смыслообразующими составляющими этих эпических памятников жизни народа.

В выступлении **Андрея Владимировича Скибы** (г. Киев, Украина), историка, аспиранта Института археологии НАН Украины, «Великое переселение народов в свете научных исследований Ю.Н. Рериха» были освещены вопросы сближения Востока и Запада в контексте этноисторических миграций. Основываясь на работах Юрия Николаевича, докладчик исследовал роль кочевых народов в культурном взаимодействии народов древности, взаимосвязи древних славян и кочевого мира.

Искусствовед **Наталья Владимировна Тютюгина** (г. Уфа) назвала свое выступление «Золотые олени южного Урала». Она поделилась впечатлениями, ассоциациями и размышлениями по поводу скифской культуры и тех памятников, которые открыли уфимские археологи в оренбургских степях, где одной из главных находок стали золотые олени. Скифская культура мощно входит в мир, возвращая нас к истокам понимания и осмысления женского начала в современной цивилизации. Она соединяет культурно-историческим мостом тюркский мусульманский и славянский православный миры.

Кандидат искусствоведения **Евгений Палладиевич Маточкин** (г. Новосибирск) в докладе «Ю.Н. Рерих и наследие скифов Азии» рассказал о пребывании Центрально-Азиатской экспедиции на Алтае (1926 г.). Задачей экспедиции была разведка археологических памятников и создание живописной панорамы земель и народов Азии. Докладчик рассказал о раскопках скифских курганов, которые в последнее время проводятся Сибирским отделением Российской академии наук, об изучении петроглифов, раскрывающих традиции скифского искусства. Юрий Николаевич придавал особое значение мифологии,

которая всегда связана с древними историческими корнями, с эпосом, живущим в культурной памяти народа. «Разбудив» легенды и предания, мы пробуждаем у народа в наши дни огромную творческую силу. Евгений Палладиевич сообщил, что в 1983 году на Алтае появился пик Юрия Николаевича Рериха.

Сергей Григорьевич Кляшторный, профессор, заведующий сектором тюркологии и монголистики Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, сделал сообщение «Гунны и юэчжи: рождение империи». В рукописи Ю.Н. Рериха «История Центральной Азии», которую готовит к публикации МЦР, немалое место занимает проблема рождения кочевых империй, в том числе империи юэчжи. По данным современных археологических исследований, в захоронениях Пазырыка и Укока погребены вожди юэчжийского союза племен. Головы врагов на узде из пазырыкского захоронения — головы гуннов — свидетельство жестоких гунно-юэчжийских войн IV — III вв. до н. э., когда гунны находились в политической зависимости от юэчжи. Юэчжи обитали в Центральной Азии в VII — VI вв. до н. э. и были связаны со скифо-сарматской культурной общностью. В индийских и санскритских источниках юэчжи именуется тохарами. Юэчжийский этно-племенной союз был неоднороден, это подтверждают находки тамговых знаков в Монголии. Этнополитическое разделение племен I—II вв. до н. э. свидетельствует о разделении единой великой империи, ее начинающемся упадке. После 165 г. н. э. начался великий исход юэчжи на запад. Потомками юэчжи была создана кушанская империя, которой Ю.Н. Рерих посвятил немало страниц в своей рукописи об истории Центральной Азии.

Исследование Ю.Н. Рерихом буддийской культуры легло в основу современных исследований, посвященных памятникам буддизма, его влиянию на другие конфессиональные миры и той роли, которую буддизм сыграл в культурном единстве Азии.

Теме взаимопроникновения культур было посвящено сообщение директора тренинг-центра «МалеС» **Сергея Валерьевича Ильницкого** (г. Киев, Украина) «Сюжет о Варлааме и Иосафате в исследованиях Н.К. и Ю.Н. Рерихов и И.Я. Франко». Проникновению сюжетов из жизни Будды в каноническую христианскую литературу посвящено три исследования. Н.К. Рерих в 1926 году на Алтае пишет очерк «Сын царя» о сюжете повести про Варлаама и Иосафата, которая, по выражению Николая Константиновича, является прикрытой христианской интерпретацией жизнеописания Будды. Вслед ему Ю.Н. Рерих дает ссылку в своей статье «Индология в России» на тот же самый сюжет, опираясь на французскую версию («Христианское житие Будды»). Однако есть и более давнее исследование: в 1893 году в Венском университете диссертацию «Варлаам и Иосафат — старохристианский духовный роман и его литературная история» защитил Иван Яковлевич Франко, известный украинский писатель, поэт и ученый. Опираясь на эти факты, докладчик развил тему взаимопроникновения

учений Будды и Христа, приведя доказательства духовно-культурного единения Азии в первом тысячелетии нашей эры.

Александра Леонидовна Баркова, старший научный сотрудник МЦР, сделала доклад о «Проблемах культурного единства Азии в работах Ю.Н. Рериха». Она представила новое издание — сборник статей Ю.Н. Рериха из архива МЦР «Буддизм и культурное единство Азии». При всей тематической широте и жанровой неоднородности работы Юрия Николаевича, собранные под обложкой этой книги, выполнены в одном ключе. Их отличительная черта — отнюдь не первостепенное значение многих лингвистических, религиоведческих, искусствоведческих исследований. Они для Ю.Н. Рериха представляли интерес лишь в той мере, в какой были подтверждением взаимодействия и взаимовлияния культур. Статьи Ю.Н. Рериха свидетельствуют, что в публицистических работах он оставался вдумчивым ученым, а в сугубо научных работах проявлял себя как человек, обостренно воспринимающий проблемы современности.

Е.П. Маточкин (справа) беседует с гостем конференции

Валентина Дмитриевна Горячева, кандидат исторических наук, доцент Кыргызско-Российского славянского университета (г. Бишкек, Кыргызстан), сделала сообщение о «Буддийском наследии Се'верного Притяньшанья (в свете археологии)». На Тянь-Шане широко представлены памятники буддизма. Именно о памятниках тибетской письменности в Притяньшанье Ю.Н. Рерих писал своему ученику А.Н. Зелинскому, который впоследствии исследовал их по рекомендации своего учителя. Притяньшанье — перекресток на Великом Шелковом пути, по которому пришел на эту землю буддизм, его культура и искусство. Буддийское наследие этого региона долгое время не было известно и только сейчас благодаря открытиям археологов становится достоянием современной науки и культуры. Археологические находки совершенно точно свидетельствуют о границах древних буддийских государств и подтверждают гипотезы Ю.Н. Рериха о единстве истории Центральной Азии. Самые знаменательные находки на территории Северного Притяньшанья относятся к VII — X вв. н. э. — это мелкая скульптура алтарей, терракотовая и бронзовая пластика, каменные рельефы и стелы, памятники наскального искусства, выбитые на камнях мантры Авалокитешвары «Ом мани падме хум». Памятники Краснореченского городища, завершила В.Д. Горячева, будут сохраняться и восстанавливаться благодаря международному сотрудничеству.

Лыгжима Халоупкова, востоковед, сотрудник Института востоковедения АН Чехии (г. Прага), рассказала о некоторых текстах монгольского буддийского канона Ганджур «Дхарани против засухи». В Ганджуре имеется несколько отделов, первый отдел, Тантры, состоит из 25 томов и содержит 745 произведений, которые посвящены различным буддийским божествам, садхана и мандала ритуалам, руководствам к медитациям и т. д. В Ганджуре есть три дхарани, которые предназначены для защиты и охраны растений против засухи и других стихийных бедствий и, по преданию, произнесены самим Буддой. Они называются «Громовой железный клюв», «Черный железный клюв» и «Железный клюв». В этих дхарани, коротких тантрийских текстах, проявляется древнеиндийский культ нагов, священных змей. Согласно Л.А. Уодделю, который занимался изучением дхарани в буддийской литературе, в этих текстах Будда ассоциируется с культом солнечного мифа или солнечной птицы. В солнечном мифе, который был широко распространен во многих архаических цивилизациях мира, солнце представлялось как огромная птица с развернутыми крыльями, которая уничтожает вредных духов зла и тьмы.

Валентина Николаевна Тугужекова (г. Абакан), доктор исторических наук, профессор, директор Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, выступила с докладом «Рерихи и Саяно-Алтай». Традиции фундаментального российского востоковедения, возрожденные в советской науке Ю.Н. Рерихом, сыграли большую роль в развитии науки Сибири, Саяно-Алтая. Археологические исследования в Хакасии начались с экспедиции Мессершмидта 1721 года — тогда был открыт памятник орхоно-енисейской письменности (X в. н. э.). Саяно-Алтай чрезвычайно богат историко-археологическими памятниками древнейших земледельческих и кочевых цивилизаций скифо-сибирского мира. В подтверждение культурно-исторических связей России, Сибири, Саяно-Алтая с Гималаями и Тибетом докладчик провела параллели между староверческим Беловодьем и легендарной Шамбалой и сделала вывод о едином источнике этих понятий. Алтай и Гималаи — единая горная система, связанная между собой бесконечными ходами неизведанных пещер. Эти пещеры, как писал Н.К. Рерих, идут «...от Тибета через Куэнь-Лунь, через Алтын-Таг, через Турфан; “длинное ухо” знает о тайных ходах. <...> Белый Бурхан, конечно, он же Благословенный Будда»⁶.

Высоким эмоциональным аккордом прозвучало выступление **Юлии Валерьевны Патлань**, члена научной группы Украинского отделения МЦР (г. Киев, Украина). Она назвала свой доклад «Как нужен Юрий: Рерихи о Ю.Н. Рерихе». Слова Рерихов, великого мыслителя и художника Николая Константиновича и уникального философа Елены Ивановны, об их старшем сыне пронизаны гордостью и уважением к его выдающемуся таланту и яркой судьбе. Письма Е.И. и Н.К. Рерихов, многие очерки «Листов дневника», экспедиционные заметки доносят до нас живой образ Юрия Николаевича, отражают действенное сотрудничество всех четырех Рерихов. Оценки родителей и младшего брата, С.Н. Рериха, позволяют более глубоко осознать миссию Юрия Рериха, создателя, собирателя новых творческих сил, несущего в духе, по словам Е.И. Рерих, великий синтез.

В заключение руководитель Тверской областной рериховской организации **Татьяна Ивановна Чечина** рассказала участникам конференции о торжественном открытии на родине великого ученого и путешественника Ю.Н. Рериха, в городе Окуловка, мемориальной доски. На красном граните воспроизведен сюжет картины Н.К. Рериха «Звезда героя», посвященной старшему сыну. Сообщение Татьяны Ивановны сопровождалось показом фотографий с места знаменательного события.

По результатам конференции была принята резолюция, отметившая уникальный вклад Юрия Николаевича Рериха в отечественную и мировую науку, в утверждение им на Родине идей Живой Этики, философского наследия семьи Рерихов.

⁶ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. Рига, 1992. С. 280, 290.

Презентация книги Ю.Н. Рериха «Тибетская живопись»

В ходе конференции состоялось представление книги Ю.Н. Рериха «Тибетская живопись». Главный редактор публикаторского отдела МЦР **Татьяна Олеговна Книжник** во вступительном слове рассказала об авторе книги, который в свои 23 года написал зрелый и научно компетентный труд, и по сей день остающийся одной из известных работ в востоковедческом мире как среди западных, так и среди восточных специалистов. Книга родилась в результате впечатлений и активной работы Юрия Николаевича во время Центрально-Азиатской экспедиции его отца. Несмотря на то что она адресована специалистам, ее отличает простота изложения, соединенная с глубоким научным подходом. В книге около 50 иллюстраций, отображающих тематику авторского исследования. Приложение, подготовленное сотрудником МЦР Александрой Леонидовной Барковой, органично вписывается в контекст издания. Оно посвящено буддийской живописи из коллекции МЦР. Поблагодарив всех, кто принял участие в подготовке книги к изданию, Татьяна Олеговна предоставила слово почетному гостю, генеральному секретарю Международной ассоциации монголоведения, академику **Шагдарену Бира**. Выдающийся монгольский ученый сказал, что такие книги, как «Тибетская живопись», сейчас особенно необходимы. В Монголии, по его словам, существует множество малопрофессиональных изданий очень низкого качества, в то время как нужно воспитывать вкус и поднимать качество востоковедческих работ и исследований. Академик Бира поделился планами о переводе «Тибетской живописи» на монгольский язык.

Галина Ивановна Кальжанова, председатель Тольяттинского отделения МЦР, говорила о том, что при знакомстве с такими изданиями по-настоящему понимаешь, почему буддийское искусство называют «Высоким Алтарем». В книге «Тибетская живопись» радуется все, начиная от безупречной полиграфии и заканчивая качеством перевода, который во многом отличается от предыдущих переводов книги как владением темой, так и знанием духовных основ Востока, что делает изложение более емким, конкретным, ярким. Поделившись мыслями о символике тханок, приведенных в книге, Галина Ивановна провела параллели между цветовым созвучием буддийской и христианской иконографии.

Софья Давидовна Миллибанд, старший библиограф Института востоковедения РАН, поделилась своими впечатлениями о книге. Текст незримо погружает в мир Востока. Читатель переносится в Тибет, любуется буддийскими храмами, вдыхает разреженный воздух гор, держит священные изображения Будд и всего величественного пантеона в своих руках. Терминология, словарь, имена, справочный материал — все сделано профессионально и компетентно. Книга непрестанно затребована, в библиотеке Института востоковедения ее буквально передают из рук в руки, это самая высокая оценка любого издания.

Переводчик книги «Тибетская живопись» **Александра Леонидовна Баркова** рассказала о том, что первым трудом по буддийской иконографии, с которым она столкнулась, оказалась «Тибетская живопись» Ю.Н. Рериха. Именно эта книга позволила разобраться в буддийской символике, структуре пантеона, сути многих понятий буддийской философии. Тогда у Александры Леонидовны и зародилось желание сделать эту книгу доступной для всех, кого так или иначе интересует данная тема. Одно из существенных достоинств книги — сочетание глубокой научности и доступности изложения, чего нельзя сказать о большинстве современных изданий, которые либо высоко академичны, либо слишком популярны. Составление основного пантеона божеств буддийской иконографии потребовало огромной творческой самоотдачи и подчеркнуло непреходящую научную ценность и глубокое духовное содержание классической работы Ю.Н. Рериха.

Ю.Н. Рерих. Портрет отца. 1916

Выставка графических и живописных работ Юрия Николаевича Рериха из собрания МЦР

В рамках юбилейной конференции проводилась выставка живописных и графических работ Юрия Николаевича Рериха из коллекции МЦР, собравшая многие его произведения детского и юношеского периода. Два музейных зала с трудом вместили коллекцию картин, относящуюся преимущественно к 1917 — 1918 годам. Многие из картин экспонировались впервые.

Выставку сопровождала развернутая в этих же залах ретроспективная экспозиция жизни и творчества Юрия Николаевича, представленная в документах и фотографиях. Расположенные в хронологическом порядке, они создают целостное представление о Юрии Рерихе как об ученом, общественном деятеле, путешественнике. На витринах — копии паспортов, выданных Рерихам правительством Лхасы (1927 г.). Здесь же записная книжка Юрия Николаевича, с пометками и записями, сделанными во время Маньчжурской экспедиции (1934 — 1935 гг.), бронзовые предметы из археологической коллекции семьи Рерихов, собранные во время Центрально-Азиатской экспедиции. Две витрины посвящены жизни Ю.Н. Рериха в Москве, пребыванию на Первом международном съезде монголоведов.

Графика и живопись юного Юрия Рериха удивляет и поражает тем, что в свои пятнадцать лет он, по сути еще ребенок, предстает вполне сформировавшимся в основных своих чертах художником. В его работах мы ощущаем вдумчивый, изучающий, наблюдающий взгляд зрелого, умудренного жизнью человека. Он стремится проникнуть в суть вещей, в сокровенные тайники природы. Внутренний взор художника проникает в далекие исторические эпохи, сквозь стены замков, он становится участником и свидетелем давно прошедших событий, присутствует при неведомом злодеянии в древних стенах, становится очевидцем полета оживших, согласно преданию, каменных химер, скользит по причудливой поверхности скал, оказывается в кругу удивительных зверей и животных...

Молодой художник пробует и примеряет к своим картинам цвет, осваивает пространство красок, где графика, четкое и схематичное восприятие мира, уступает место цветному изображению, иногда яркому и насыщенному, но в целом более спокойному и задумчивому, погруженному в мир озер и скал, подземных жилищ и натюрмортов.

Манеру письма юного Рериха отличает подробная прорисовка всех предметов и деталей, тщательная проработка внутреннего пространства картин, четкая композиция. Ощущается твердая и уверенная рука молодого художника. О художественной зрелости шестнадцатилетнего юноши свидетельствуют портреты его отца, выполненные карандашом и белилами. Здесь остро схвачены характерные черты личности Николая Константиновича, близкие внутреннему мироощущению самого художника, ощущается попытка выйти за рамки внешнего портретного сходства, стремление передать напряженную работу мысли, сосредоточенность и внутреннюю целостность, присущую его великому отцу, художнику и мыслителю.

В книге отзывов о выставке живописных и графических работ Ю.Н. Рериха есть такая запись: «Юрий Николаевич Рерих — один из самых талантливых членов семьи Рерихов. Каждая увиденная здесь картина удивляет и восхищает. Если бы не замечательная и великая карьера ученого, то его бы ожидала не менее великая судьба художника». Подписать под этим зрительским мнением могли бы все, кто побывал на этой выставке, открывшей нам еще одну замечательную грань разностороннего и многообразного таланта Юрия Николаевича Рериха.

Индийский гость Наджунда Рао и режиссер Луиза Тележко

Обсуждение киноматериалов к фильму Л.В. Тележко «Старший сын»

Фрагменты фильма Луизы Владимировны Тележко «Старший сын», посвященного Ю.Н. Рериху, участники конференции смотрели с интересом и волнением. После просмотра люди по-разному оценивали работу съемочной группы, но все сошлись в одном: киноматериалы будущего фильма отсняты талантливо, личность Юрия Николаевича показана

глубоко и многогранно, контекст фильма передает ощущение уникальности судьбы Ю.Н. Рериха и какой-то глубокой, до сих пор не разгаданной нами загадки этого удивительного человека.

Материалы, подготовленные к началу конференции, показывают этапы жизненного пути старшего сына Рерихов: его детство, прошедшее в Санкт-Петербурге, наполненную поисками своего будущего пути юность, раннее становление личности гениального и целеустремленного человека. Подробно отражены в фильме малоизвестные годы обучения Ю.Н. Рериха в Америке и Европе. Именно в этот период Юрий Николаевич складывается как ученый-востоковед, обладающий фундаментальными и энциклопедическими знаниями, которые так помогли ему в главном путешествии его жизни — Центрально-Азиатской экспедиции.

Советский период жизни Ю.Н. Рериха представлен кинокадрами воспоминаний его учеников — В. Вертоградовой и А.Н. Зелинского. Малоизвестные детали и подробности деятельности Ю.Н. Рериха, черты его характера, высказывания обретают в этих воспоминаниях и размышлениях свою вторую особую жизнь.

В фильм включены уникальные документальные кадры, где мы видим членов семьи Рерихов. Это придает художественной канве ленты особую значимость и подлинность. Запечатленный любительской камерой лучистый, сопровождаемый каким-то особым мягким мерцанием искрящийся взгляд Юрия Николаевича нельзя ощутить на его даже самых талантливо снятых фотографиях. Кинокамера за несколько мгновений может рассказать о человеке во много раз больше, чем самые подробные описания его личности.

Обсуждение материалов фильма выявило самую широкую палитру мнений, взглядов, оценок. Преобладали доброжелательные и благодарные отзывы, прозвучали критические пожелания, которые авторы обещали учесть на завершающей стадии работы. Свои впечатления и пожелания высказали съемочной группе доктор философских наук Ф.Т. Яншина, доктор исторических наук В.Н. Тугужекова, кандидат физико-математических наук, сотрудник ГАИШ Л.М. Гиндилис, кандидат искусствоведения Е.П. Маточкин, представитель Белорусского отделения МЦР из города Сморгонь Г.В. Шестериков, главный архитектор МЦР И.Р. Кудрявцева-Байда, генеральный директор Музея имени Н.К. Рериха Л.В. Шапошникова и многие другие. Выступающие отметили яркий образ Юрия Рериха, созданный кинематографистами, интересные натурные ландшафтные и этнографические съемки, грамотную и профессиональную работу режиссера с архивными фотографиями, живые воспоминания о Ю.Н. Рерихе его учеников-востоковедов и содержательные интервью с современными учеными. Вице-президент Уральского отделения Международной Лиги защиты культуры, кандидат философских наук, доцент УрГУ О.А. Уроженко поблагодарила создателей киноленты за внутренний пафос фильма, поднимающий нас над сиюминутными проблемами повседневности, создающий образ человека, примеру которого хочется следовать тем больше, чем глубже и полнее наше знание о нем.

Участники творческой мастерской
С.А. Крук и О.А. Лавренова

Открытие творческой мастерской молодых ученых при Международном Центре-Музее имени Н.К. Рериха

Юрий Николаевич Рерих всегда заботился о воспитании молодых умов, о том, чтобы новое поколение ученых шло по стезе, где рожда-

ются пионеры науки, где расширяются горизонты научного знания. Именно поэтому открытие творческой мастерской было решено посвятить 100-летию со дня его рождения. В этой лаборатории научной мысли молодые ученые не столько излагают результаты своих исследований, сколько ставят интересующие их проблемы, выверяя в ходе научных дискуссий исследовательское и творческое направление дальнейших разработок.

С приветственным словом к молодым ученым обратились академик РАО Ш.А. Амонашвили, руководитель научной группы МЦР Е.Н. Черноземова, председатель Международного Совета рериховских организаций С.П. Синенко, старший научный сотрудник МЦР О.А. Лавренова. Они отметили перспективность и большой потенциал этого начинания, необходимость создания такого научного сообщества исследователей, которое могло бы базироваться на онтологических принципах и методологии познания, содержащихся в философском наследии Рерихов.

В первом занятии творческой мастерской — «Культурная традиция Востока и наследие Рерихов» — участвовали представители разных стран и городов, были представлены доклады нескольких научных школ.

Понимая, что фактор преемственности в области научного знания чрезвычайно важен, организаторы пригласили научных руководителей молодых ученых — кандидата философских наук, доцента Уральского государственного университета (УрГУ) О.А. Уроженко, кандидата исторических наук, востоковеда В.Д. Горячеву, сотрудника Кыргызско-Российского славянского университета (КРСУ) Л.Г. Славскую. В работе мастерской приняли участие группа молодых ученых из города Хмельницка под руководством И. Эрметова, представители старшего поколения, известные востоковеды Е.Н. Молодцова и А.А. Кочаров, советник РАЕН М.Н. Чирятьев, сотрудник Киевской астрономической обсерватории и руководитель научной группы Украинского отделения МЦР Т.П. Сергеева.

Доклады молодых ученых были выслушаны с интересом и вызвали оживленные дискуссии. Исследование Виктории Деменовой, аспирантки кафедры истории искусств УрГУ (г. Екатеринбург), «Бронзовая пластика буддизма как сосуд Мира Инобытия» показало, как с помощью художественных и пластических средств буддийское искусство отражает идею Пустоты, одного из краеугольных понятий философии буддизма. Филипп Ротг, аспирант Кыргызско-Российского славянского университета (г. Бишкек), выступил с сообщением на тему «Образ и символ в художественной культуре Семиречья (художественный металл)» и вызвал научную полемику о методологии познания. В докладе Татьяны Афтавой, аспирантки КРСУ (г. Бишкек), посвященном сравнительному анализу буддийской и православной иконографии, получили развитие идеи монументального труда Ю.Н. Рериха «Тибетская живопись».

Общее мнение всех участников работы творческой мастерской было единодушным: спектр междисциплинарных проблем, предлагаемых к обсуждению, надо расширить и встречи молодых ученых под эгидой МЦР и Международного Совета рериховских организаций проводить регулярно. Возможности неформального общения создают молодым ученым уникальное пространство для новых творческих подходов в освещении самых разных по своей научной направленности проблем.

Обзор конференции подготовили Б.Р. Корженьяц и О.А. Лавренова

С.Н. Рыух. Портрет Ю.Н. Рыуха. 1930-е гг.

Выступление Юрия Николаевича Рериха на открытии выставки Н.К. Рериха 28 апреля 1958 года

Ю.Н. Рерих на выставке произведений Н.К. Рериха. Москва, 1959

На открывшейся в Москве выставке произведений Н.К. Рериха представлены все этапы его творческой жизни, от раннего до постоянно живущего в нем углубленного интереса к древнерусскому искусству. Последняя статья на эту тему, озаглавленная «Русская слава», помечена 1939 годом. Николай Константинович рано подошел к Востоку. Его особенно привлекали проблемы культурной связи, существовавшей между Древней Русью и странами Востока, как ближнего, так и дальнего. Его привлекал кочевой мир наших южных степей, не только обогативший нашу историю воинской славой, но и явившийся проводником культурных влияний, шедших из далекой Индии и Китая. В 1904 году он пишет поэму «Чингисхан»,

посвященную прошлому Монголии. В 1911—1912 гг. он обсуждает вместе с В.В. Голубевым планы научных и археологических исследований в Индии.

Ряд полотен 1915—1916 гг. посвящен индийским сюжетам. Богатый, чрезвычайно красочный культурный мир Древней Индии захватывает его. Николай Константинович участвует в построении буддийской вихары в Петербурге, которая создала нам многочисленных друзей в странах буддийского Востока. Индия, Тибет входят в его творческую жизнь. И вот в 1923 г. Николай Константинович направляется в длительную экспедицию в Индию и Центральную Азию. В течение пяти лет он совершает небывалое по пройденному пространству путешествие по Средней Азии:

Кашмир, Ладак, Каракорум, Ндзян, Искитоквамакан, Джунгария, Монголия, Западный Китай, Кухонор, Тибет. Последние этапы этого путешествия через тибетское нагорье сопровождаются большими трудностями и лишениями. Несколько участников экспедиции погибло, погибли почти все караванные животные. Из этого длительного путешествия Николай Константинович возвращается с многочисленными работами: до пятисот полотен — Гедок, Тибет, Монголия, Гималаи — ныне украшают стены музеев. К этому периоду относится серия полотен «Твердыня Тибета», запечатлевших замечательные архитектурные ансамбли тибетских монастырей и городов. Во всем своем величии встают перед нами горные хребты Гималаев. С этого времени Гималаи — «обитель снегов» — все более и более приковывают к себе взор Николая Константиновича.

Последние десятилетия его жизни уже неразрывно связаны с Гималаями, что особенно роднит его с народами Индии, которые видели в нем своего друга, который сумел так близко подойти к их чаяниям и устремлениям. Этот период его творчества отличается особой красочностью. Николай Константинович верил в живую силу красок, и, быть может, никто так не знал соотношение и гармонию тонов. Художественные критики отмечали его особенное умение передавать цвет. Его синтез и упрощение форм были результатом его понимания сущности передаваемого. Работы индийского периода его творческой жизни хорошо представлены в музее Индии и в музее его имени в Нью-Йорке. В настоящее время советский зритель может видеть картины этого периода у себя на родине, в Советском Союзе.

За свое пребывание в Индии и на Востоке Николай Константинович проделал громадную работу, работая не только в области живописи, но и как ученый. В 1929 г. им был основан Институт Гималайских исследований, в программу которого входило всестороннее изучение Гималайской горной области. Институт организовывал научные экспедиции в Западный Тибет и собрал богатые коллекции. Специальные работы проводились по изучению народной медицины Индии и Тибета. В настоящее время в доме, где жил и творил Николай Константинович, будет открыт дом-музей — памятник индо-русскому сотрудничеству на культурной ниве.

Поборник мира и мирного труда, Николай Константинович явился основоположником особого Пакта охраны культурных ценностей во время войны. В связи с пропагандой идеи такого Пакта были проведены несколько международных конференций, и в 1935 г. Пакт был подписан в Вашингтоне покойным президентом Рузвельтом. В 1954 г. Пакт в несколько более развернутом виде был подписан странами — участниками Объединенных Наций и в 1956 г. ратифицирован в Париже Советским Союзом. Мысль о родине, о далеком севере не покидала его до самого конца его жизни. Он необычайно тяжело переживал разрушение Новгорода и других памятников нашей культурной славы. В годы небывалого ратного напряжения он вновь возвращается к русским темам: «Поход Игоря», «Настасья Микулична», «Борис и Глеб». Многие из этих полотен выставлены в настоящее время на выставке. Смерть унесла его в декабре 1947 года среди приготовлений к возвращению на Родину.

Юбилейная медаль «Юрий Николаевич Рерих»

Ш. Бира

Воспоминания об учителе Ю.Н. Рерихе

Шел 1957 год. Это было переломное время моей жизни. Мне исполнилось 30 лет, прошло уже 6 лет с тех пор, как я окончил Московский государственный институт международных отношений, однако я мучительно долго не мог найти свое место в науке, несмотря на то, что по мере сил и возможностей старался подготовить себя к научной деятельности. Вот как раз в такой период моей жизни, хотя и с опозданием, судьба мне улыбнулась. Будучи аспирантом Института востоковедения АН СССР, я встретился с учителем, который помог мне найти то, что я искал и чему мечтал посвятить молодую энергию и впоследствии всю жизнь. Я нашел интересную для себя область в востоковедческой науке и получил возможность серьезно подготовиться к настоящей научной работе под руководством крупнейшего ученого. Юрий Николаевич, безусловно, был настоящим подарком судьбы для таких, как я, молодых людей. Я был свидетелем того, каким огромным научным авторитетом он пользовался у научной молодежи, да и не только у молодежи, но у всей русской творческой интеллигенции, хотя находились и такие люди, которые относились к нему настороженно и с недоверием и даже мешали ему в работе.

В результате наших многократных и обстоятельных разговоров с Ю.Н. Рерихом я твердо решил заниматься, кроме монголоведения, смежными отраслями востоковедения — тибетологией, буддологией, а также необходимыми для этого языками, тибетским, которым я занимался в детстве и после окончания института, и буддийским санскритом. Темой для диссертации мы выбрали исследование исторических хроник, написанных монгольскими ламами на тибетском языке. Для того времени это была весьма неординарная инициатива, которая могла вызвать недоумение и даже неодобрение некоторых ученых. Но Юрий Николаевич был убежден в необходимости научной разработки этой темы, а я, жаждивший заниматься чем-то оригинальным и «чисто» научным, был готов над ней работать. Должен сказать, что при

утверждении темы на секторе Монголии Института востоковедения прозвучали ноты сомнения в ее актуальности, однако авторитет Юрия Николаевича пересилил и тема была утверждена.

Наши занятия были подчинены форсированной разработке темы. На следующий день после ее утверждения мы собрались на квартире Юрия Николаевича в его просторном кабинете, где было много книг, тибетских и монгольских ксилографов и рукописей, и висели знаменитые картины его отца. Тогда мне трудно было оценить, до какой степени мне повезло: ведь я мог приходить домой к Юрию Николаевичу чуть ли не каждый день, иногда и по выходным, чтобы получить дополнительную консультацию по чтению и анализу трудных тибетских исторических текстов и поделиться впечатлением от прочитанных книг по тибетологии и буддологии, которыми мой учитель щедро обеспечивал меня из своей библиотеки. У него были такие ценные книги и научные журналы по тибетологии, которых не было даже в Ленинской библиотеке.

Наши индивидуальные занятия имели некоторую особенность. Дело в том, что Юрий Николаевич считал свое знание монгольского языка недостаточным, хотя прекрасно владел им, и хотел практиковаться в современном монгольском языке вместе, как он выражался, с прирожденным носителем этого языка. Он говорил, что у него было мало возможности заниматься современным монгольским языком, ибо он встречался только с немногими монголами-ламами, проживавшими в Индии, в основном выходцами из Внутренней Монголии. Кроме языка Юрий Николаевич очень интересовался современной Монголией, много расспрашивал о ней, об Улан-Баторе и т.д. Юрий Николаевич часто говорил мне о том, что его отец, Николай Константинович, любил Монголию, хорошо знал ее историю и традиции и посвятил нашей стране много своих картин. По его словам, Николай Константинович, оказавшись в Монголии в 1927 году во время своей знаменитой Центрально-Азиатской экспедиции, чувствовал

необычайное творческое вдохновение. Он верил в будущее Монголии, породившей Чингис-хагана (Чингисхана. — *Ред.*), которого учитель называл «Монгольским Прометеем». Юрий Николаевич говорил: «Любовь к Монголии у меня в крови», — и рассказывал о татарском происхождении своей прабабушки. Особенно меня поражало его знание письменного монгольского языка. Он с легкостью разъяснял нам тибетские буддийские трактаты на монгольском языке и толковал буддийские термины, приводя их санскритские, тибетские и монгольские эквиваленты в соответствующих письменных документах, аккуратно начерчивая их простым карандашом на листе бумаги, который использовал вместо доски. Он обладал феноменальной памятью, редко обращался к словарям.

Юрий Николаевич включил меня в небольшую группу изучения тибетского языка, которой он руководил. Официально нам было положено заниматься тибетским языком три раза в неделю по два часа. В группе было пять аспирантов, включая меня.

Юрий Николаевич очень хотел снова попасть в Монголию, часто вспоминал о своем путешествии по этой стране в 1927 г. в составе знаменитой Центрально-Азиатской экспедиции под руководством своего отца. Вскоре его мечта осуществилась, он приехал в Монголию по приглашению монгольского правительства в 1958 г. Руководство Монголии хорошо знало Юрия Николаевича как крупного ученого-монголиста, вернувшегося из Индии на родину с разрешения Никиты Хрущева. Тогда Ученый комитет Монголии готовился к Первому международному конгрессу монголистов-филологов, который должен был пройти в 1959 году. Организационному комитету особенно важны были советы Ю.Н. Рериха. Будучи его аспирантом, я сопровождал его во время пребывания в Монголии. За 3—4 недели он посетил научные и религиозные центры Монголии, встретился с членами правительства, учеными и даже успел побывать в моей юрте, где я жил с семьей летом (это к северу от Улан-Батора, в местности Яргайт). Ему понравилось, как мы живем в юрте, и он говорил, что будет приезжать в Монголию каждое лето на отдых, подышать чистым горным воздухом. Он еще говорил, что очень любит ездить на коне, и наказывал мне непременно найти для него хорошего монгольского коня с хорошим казацким седлом.

С особым удовольствием Юрий Николаевич посетил Гандан, единственный монастырь, который уцелел и функционировал. Несколько раз он приходил в этот монастырь, встречался с ламами, знакомился с монастырской библиотекой. Побывал также в Государственной библиотеке, в тибетском фонде, где хранится более миллиона экземпляров рукописей и ксилографов. Юрий Николаевич был доволен, что сохранились хотя бы эти коллекции. Он говорил о необходимости использовать эти библиотечные коллекции для развития тибетологии и монголоведения, мечтал привлечь

к этому делу специалистов и создать тибетологический центр в Улаанбаатаре (Улан-Батор. — *Ред.*). На его взгляд, для этого имелось все необходимое — материалы, люди и традиции.

Во время пребывания в Монголии Юрий Николаевич очень хотел отыскать картину «Владыка Шамбалы, Ригден Джапо». Эту картину его отец создал, когда находился в Улаанбаатаре, и подарил правительству Монголии, вручив ее тогдашнему премьер-министру Церендоржу. Мы спрашивали многих людей об этой картине, однако тогда ничего не смогли разузнать о ее судьбе. Юрий Николаевич верил, что она находится в Монголии, не мог допустить мысли о том, что она может пропасть. И действительно, несколько лет спустя, в начале 60-х годов, картина была обнаружена в запасниках Центрального музея изобразительного искусства в Улаанбаатаре. С тех пор она находится в постоянной экспозиции музея и числится в ряду бесценных памятников культуры. Должен сказать, что именно приезд Юрия Николаевича вызвал интерес к пропавшей картине у многих моих соотечественников, которые нашли знаменитую работу Николая Рериха и снова вернули ее монгольскому народу.

К тому, что я уже написал об этой картине¹, хочу вкратце рассказать о некоторых новых материалах, которые имеют отношение к истории ее создания. Известно, что отец и сын очень интересовались легендой о Шамбале, которая была широко распространена во всех буддийских странах, особенно в Тибете и Монголии. Нет сомнения, что Николай Константинович создал свою картину под непосредственным впечатлением от всего, что он услышал и узнал относительно легенды о Шамбале в самой Монголии. Как свидетельствуют современники художника, Николай Рерих увидел, что вера в наступление новой эры Шамбалы была необычайно сильна в Монголии. На улицах монгольской столицы художник встречал отряды кавалеристов, которые пели песню о Шамбале, сочиненную бойцами Сухэбаатара (Сухэ-Батор. — *Ред.*). Песня называлась «Жан Шамбалын дайн» / «Война Северной Шамбалы»/. В ней был такой куплет:

Северной Шамбалы война.
Умрем в этой войне,
Чтоб родиться вновь
Витязями Владыки Шамбалы².

Песня пользовалась тогда необычайной популярностью в Монголии, ее знали стар и млад. Люди моего поколения в детстве пели ее на мелодию песни «Улаан туг» («Красное знамя»). По свидетельству моего друга Содномдаржа — ему сейчас 75 лет, — эта песня была очень популярна и во Внутренней Монголии. На эту мелодию известный поэт Внутренней Монголии Сайзангуа написал стихи весьма революционного содержания. С помощью известного монгольского фольклориста

¹ См.: Бира Ш. Вопросы истории, культуры и историографии Монголии. Улаанбаатар, 2001. С. 456—459.

² Эти строки приводятся по книге Н.К. Рериха «Сердце Азии».

профессора П. Хорлоо, которому исполнилось 85 лет, мне удалось узнать некоторые новые данные о песне «Война Жан Шамбалы». Песня родилась во время Народной революции 1921 года. Скорее всего она была посвящена знаменам революционных бойцов. Было четыре знамени — полководческое, красное, желтое, зеленое. Удалось обнаружить такие куплеты этой песни:

Знамя Полководческое поднимем
Геменов³ неугодных уничтожим,
В стране Жан Шамбалы
Непрерывно переродимся.

Знамя желтое поднимем,
Славу религии вознесем,
Мы же ученики ее,
На войну Шамбалы поднимемся.

Знамя зеленое поднимем,
Славу нойонов вознесем,
Геменов коварных с помощью
Смирных в серых⁴ подавим⁵.

Эти куплеты, посвященные разным знаменам монгольских революционеров, свидетельствуют об общенациональном характере монгольской революции на ее первоначальной стадии. В национальной революции участвовали представители всех слоев населения, т. е. нойоны (князья), ламы и араты. Знамена отражали разносторонний состав первых монгольских революционеров, которые боролись за национальную независимость страны. В этой борьбе, как свидетельствует песня, монголов воодушевляла вера в наступление новой эры, эры Шамбалы, что и было отмечено и наглядно показано Николаем Рерихом.

Через год, в августе 1959-го, Юрий Николаевич снова приехал в Монголию на конгресс монголистов. В состав советской делегации входили профессор Гарма Санжеев, ученый-филолог Цыдендамбаев и заместитель директора Института востоковедения АН СССР Н.А. Дворянков. Юрий Николаевич подготовил доклад на тему «Монгольские заимствования в тибетском языке», причем прочел его по-монгольски. Он сказал мне: «Попробую написать по-монгольски, а вы потом поправите меня, если будет надо». Доклад Юрий Николаевич написал еще в Москве, а когда приехал в Улан-Батор, дал мне текст, чтобы я прочел и поправил, если некоторые фразы звучат архаично. Но там по существу нечего было поправлять, в чем я его и уверил. Я был восхищен хорошим литературным стилем. Юрий Николаевич был одним из немногих участников, кто зачитал свой доклад на монгольском языке (кроме него это сделали некоторые японские участники конгресса).

После конгресса он написал интересный обзор об итогах первой встречи монголистов в столице Монголии, подчеркнув, что это был, «несомненно, важный этап в истории монголистики»⁶. Таким образом, мы с полным основанием можем сказать, что Ю.Н. Рерих стоял у истоков международного сотрудничества монголоведов, которое впоследствии переросло в ныне действующую Международную ассоциацию монголоведения с центром в Улан-Баторе.

Юрий Николаевич готовился вновь приехать в Монголию в 1960 году. Однако ему не удалось это осуществить. Он скончался 21 мая 1960 года, примерно за месяц до моей защиты. Он ушел от нас в полном расцвете своих сил, у него было столько творческих планов по возрождению традиций школ монголоведения и тибетологии на Родине.

В заключение позвольте выразить надежду, что тема «Рерихи и Монголия» будет продолжена и разработана совместными усилиями русских и монгольских ученых и всеми заинтересованными организациями. Это особенно актуально в настоящее время, когда наши страны переживают весьма схожие ситуации и когда мы стремимся строить наши отношения по-новому.

Должен сказать, что мы, к сожалению, долгое время не очень понимали, да и попросту многого не знали о том, как члены семьи Рерихов, все вместе и каждый в отдельности, строили духовные мосты между нашими странами. Поистине велик их вклад в изучение и популяризацию культуры Монголии еще в те времена, когда она была почти забытой и заброшенной в мировой истории. Не кто иной, как Николай Константинович, писал о Монголии как о стране огромного жизненного потенциала, устремленной к небывалому строительству. Он сравнивал ее с «неотпитой чашей» и призывал к бережному и доброжелательному к ней отношению, к добрым действиям и доброму помышлению, уважению к тем построениям, которые могут здесь возникнуть. Николай Константинович писал: «Хороша старина, пока она не мешает будущему», и еще: «Из древних чудесных камней прошлого сложите ступени грядущего»⁷. Эти вещи слова Н.К. Рериха звучат сегодня столь же актуально, как и в прошлом. Примерно такую же мысль высказывал и Юрий Николаевич, сравнивая Монголию, только что вставшую в начале 1920-х годов на путь новых перемен, с Тибетом. Мне кажется, что эти слова были сказаны не в те далекие годы, а сегодня, когда Монголия, возрождаясь и переоценивая свое славное прошлое, все явственнее приобретает к общечеловеческим ценностям научно-технического прогресса.

Нельзя сказать, что монголы вообще не знали Рерихов и их творений, особенно замечательных полотен Н.К. Рериха и трудов Ю.Н. Рериха о Мон-

³ Тогда монголы называли так китайские войска. *Гемен* — от китайского «гоминдан».

⁴ Монголы называли тогда русских солдат «номхон бор», что значит «те смирные, одетые в серые шинели».

⁵ Перевод с монгольского Ш. Бира.

⁶ Проблемы востоковедения. 1960. № 1. С. 240.

⁷ *Рерих Н.К.* Сердце Азии. Минск, 1991. С. 53. *Рерих Н.К.* Химабат. Самара, 1995. С. 144.

Ю.Н. Рерих на I Международном конгрессе монголоведов в Улан-Баторе. Слева направо: Кехаллен Урая (Венгрия), Рагу Вера (Индия), Ю.Н. Рерих, Н.А. Дворенков (Россия). Стоит Ш. Бира. 1959

голии. Оба они оставили добрую память о себе, когда находились в нашей стране почти полгода со своей знаменитой Центрально-Азиатской экспедицией в 1926—1927 гг. По счастливому случаю, сохранился до наших дней маленький деревянный домик в Улан-Баторе, где находилась штаб-квартира экспедиции. Об этом домике Юрий Николаевич в свое время писал: «Для штаб-квартиры нам посчастливилось найти небольшой четырехкомнатный дом с двумя просторными дворами и конюшнями»⁸. Здесь экспедиция работала, здесь же профессор Н.К. Рерих создавал свои удивительные «картины с уникальными видами страны»⁹. В этом же доме, по всей вероятности, трудилась и Елена Ивановна Рерих над своими двумя работами «Основы Буддизма» и «Общее Благо» («Община»), которые были напечатаны в местной маленькой монгольской типографии.

До недавнего времени в Монголии находились люди, знавшие Рерихов, особенно Юрия Николаевича. Так, например, Содов был студентом старшего класса монгольского училища учителей и по рекомендации Цыбена Жамцарано, ученого секретаря Ученого комитета Монголии, давал уроки монгольского языка Юрию Николаевичу во время его пребывания в нашей стране в 1926—1927 гг. В 1967 году в газете «Утга зохиол урлаг» известный монгольский поэт М. Цэдэндорж опубликовал свою беседу с неким Ламжавом, одним из бурят-монголов, которые с помощью Цыбена Жамцара-

но были наняты на работу в экспедицию Н. Рериха в Лхасу. Ламжав находился рядом с Рерихами и рассказал о том, в каких трудных условиях они совершали героическое путешествие в Тибет.

Тесная связь Рерихов с Монголией очевидна. Однако, к великому нашему сожалению, вплоть до недавнего времени в Монголии не проводилась работа по увековечению памяти Рерихов. Только в 2001 году по инициативе монгольских деятелей науки и культуры было создано Рериховское общество Монголии, которое уже начало проводить работу по установлению связей с Российскими обществами Рерихов и с отдельными заинтересованными людьми.

По нашему ходатайству городская администрация Улан-Батора взяла деревянный домик, где проживали Рерихи, под охрану как исторический памятник монгольской столицы. Мы планируем создать дом-музей Рерихов в Монголии. Это требует немалых усилий и денежных средств, которыми не располагают ни МАМ, ни вновь созданное Рериховское общество Монголии. Надеемся на спонсоров и поддержку правительственных и неправительственных организаций, в том числе зарубежных. Мы готовы сотрудничать со всеми заинтересованными организациями и людьми в благородном деле увековечения памяти Рерихов в Монголии и в научной разработке темы «Рерихи и Монголия».

⁸ Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. Самара, [1994]. С. 119.

⁹ Там же.

Добуддийский Тибет в работе Ю.Н. Рериха «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета»

Юрий Николаевич Рерих, сто лет со дня рождения которого отмечается в этом году, был выдающимся востоковедом мирового уровня. Любовь к Востоку, которая царила в семье Рерихов, переросла у Юрия Рериха в страстное желание проникнуть в сущность восточной цивилизации, усвоить духовное и культурное наследие Востока. Целеустремленность и необыкновенная работоспособность позволили ему за сравнительно короткое время (1919—1923 гг.) получить блестящее востоковедческое образование, сначала в Школе восточных языков при Лондонском университете, затем в Гарвардском университете США и, наконец, в Школе восточных языков при Сорбонне.

Последовавшие вслед за этим экспедиции на Восток с его отцом (так называемая Центрально-Азиатская экспедиция), в Восточные Гималаи, Сикким, Синьцзян и другие труднодоступные области Центральной Азии, а также самостоятельные поездки по Тибету, Ладаку, Кашмиру, Китаю и Монголии способствовали окончательному формированию уникальных профессиональных качеств Юрия Николаевича Рериха. Общаясь на различных живых восточных языках и наречиях с жителями этих обширных земель, проникая в смысл древнейших трактатов, написанных на классических восточных языках, Юрий Рерих, как никто другой, воспринимал и принимал культуру и дух Востока. Он в отличие от многих кабинетных ученых воочию убеждался, с одной стороны, в грандиозном величии восточной цивилизации, а с другой — в ее направленности на внутренний мир человека, ее органичности и естественности.

Перу Юрия Рериха принадлежит множество трудов в области индологии, тибетологии и монголоведения. Он в равной степени блестяще изучил этнографию, религию, историю, литературу и языки Востока, при этом большинство его науч-

*Деталь конской упряжи. V—VII вв.
Тибет. Бронза. Коллекция МЦР.*

ных разработок были по своему характеру новаторскими. Их глубина, научная достоверность и логика объясняют их феноменальную актуальность и по сей день. Во многом Юрий Николаевич Рерих был первооткрывателем, в наибольшей степени это утверждение относится к его трудам по тибетологии.

Доскональному изучению тибетской истории, этнографии, литературы, языков и наречий, религий и, в частности, буддизма способствовали экспедиции в малоизученные районы Тибета, общение с представителями различных тибетских племен и конечно же собранная им коллекция ценных материалов, послужившая основой для многих написанных им впоследствии научных трудов. Итоги Трансгималайской экспедиции, предпринятой вместе с отцом, Юрий Николаевич Рерих подвел в книге «По тропам Срединной Азии» («Trails to Inmost Asia»), которая вышла в свет в 1931 году. Особое место в этой книге уделяется Северному и Северо-Восточному Тибету — неисследованным или малоисследованным областям Тибетского нагорья. За год до этого, в 1930 году, в Праге на английском языке вышла из печати монография «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета»¹, в которой ученый сравнивает и анализирует многочисленные памятники материальной культуры региона и на основании этого описывает и характеризует древнюю культуру кочевников Северного и Северо-Восточного Тибета. Юрий Николаевич Рерих был одним из первых, если не первым, кто указал на близость этой культуры с культурным миром народов Срединной или Центральной Азии. Вышеперечисленные, а также другие научные труды ученого по кочевым племенам Тибета вызвали исключительный интерес у алтаистов и тибетологов всего мира. Более того, эти работы Юрия Николаевича Рериха стимулировали появление целого направления в современном востоковедении, а именно — глобального изучения древнего прошлого бескрайних просторов Центральной Азии, сопоставления памятников материальной и духовной культуры населявших их многочисленных племен и народов и, наконец, научного сравнения этой мегакультуры с культурными характеристиками древних иранских народов.

Первой, как уже было упомянуто, из этих работ была монография «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета». Сам автор указывает, что монография явилась результатом археологических исследований нагорий Тибета, что свидетельствует об изучении конкретных памятников материальной культуры этого не

Деталь конской упряжи. V—VII вв. Тибет. Бронза. Коллекция МЦР

исследованного мировой археологией региона. К тому времени востоковеды мира лишь догадывались о влиянии, которое оказывали в прошлом кочевые племена, населявшие Центральную Азию и южнорусские степи, на культуры Средиземноморского бассейна и Восточной Азии. История этих племен, их традиции и обычаи описаны в исторических анналах и литературных памятниках соседних народов. Увы, эти письменные источники все еще не изучены должным образом. Юрий Рерих с тревогой отмечает, что широкий пояс курганов, который оставили после себя кочевые племена на огромной территории, начиная с равнин Венгрии и кончая Западным Китаем, исследован весьма поверхностно, ибо интерес большинства экспедиций, отправлявшихся в Центральную Азию, был сосредоточен прежде всего на анализе городской культуры оазисных государственных образований, появившихся на Великом Шелковом пути.

Российские ученые первыми обратили внимание и занялись изучением многочисленных южнорусских курганов; им же принадлежит пальма первенства в археологическом описании Центральной Азии. Юрий Рерих подчеркивает необходимость тщательного исследования многочисленных могильных холмов на северных склонах Тарбагатай и Джаира в районе Тянь-Шаня, в Джунгарии, Монгольском Алтае, Западной и Восточной Монголии и так далее. Благодаря проведенным в этом регионе экспедициям граница пролегания пояса курганов

¹ Roerich J.N. The animal Style among the Nomad Tribes of Northern Tibet. Seminarium Kondakovianum. Prague, 1930.

Накладка в виде птицы. V—VII вв.
Тибет. Бронза. Коллекция МЦР

кочевых племен была сдвинута значительно южнее, в район пустыни Гоби. Свидетельства богатой кочевой культуры были обнаружены также в районе Ордоса, в южной части китайской провинции Ганьсу и на границе между Китаем и Тибетом.

Среди открытий, сделанных участниками экспедиции Николая Константиновича Рериха в 1925—1928 годах, наиболее ярким представляется обнаружение звериного стиля в материальной культуре кочевников Северного и Центрального Тибета. Это позволило предположить о существовании древнейшей номадской культуры на обширной территории Центральной Азии. Следы этой культуры сохранились и среди современных тибетцев. Мотивы тибетского звериного стиля роднят его со знаменитыми находками из скифо-сибирских курганов, что в свою очередь дает основание предполагать о существовании в далеком прошлом связи между Тибетом и богатейшей культурой кочевников Центральной, или Внутренней Азии. Во время вышеупомянутой экспедиции Юрий Николаевич Рерих имел возможность тщательно изучить особенности кочевого быта тибетцев, населяющих долины Южного и Восточного Тибета; речь идет о племенах няронг-ва, чанг-па, хор, панак и голок. Это позволило ученому лично убедиться в истинности предположения некоторых западных ученых о том, что предки нынешних тибетцев когда-то населяли территории в верхнем течении реки Хуанхэ, то есть проживали в Западном Китае. Лишь затем они стали заселять Тибетское нагорье, начиная с северо-востока, благодаря наличию тучных горных

пастбищ. Какая-то часть этого древнейшего населения была вынуждена впоследствии откочевать на юг и заселиться в Юго-Восточном Тибете, где перешла к земледелию. Именно там, по словам Юрия Рериха, зародилась теократическая культура Тибета.

Однако кочевое движение тибетцев не было направлено только на юг: некоторые тибетские племена, преодолевая северные Гималайские перевалы, устремились на запад. Ученый справедливо предполагает, что нынешние маршруты буддийских богомольцев повторяют древнейший миграционный путь — от Нагчу через Намру к священной для всех тибетских буддистов горе Кайлас (Кайлаш). Именно таким образом искусство кочевников Центральной Азии, чьей характерной чертой является звериный стиль, достигает Западных Гималаев и прилегающих к ним территорий.

Данные о перемещениях древних тибетцев по Тибетскому нагорью, по мнению Юрия Николаевича Рериха, содержатся также в некоторых китайских анналах эпохи династии Хань, но тем не менее полная картина миграционных процессов все еще не ясна. Ученый добавляет, что и поныне должным образом не изучены этнология, археология и языки современных кочевых тибетских племен, которые составляют специфическую группу тибетского населения.

Центрально-Азиатская экспедиция Николая Рериха обнаружила в Тибете немало ценных памятников кочевого прошлого. Юрий Рерих описывает и классифицирует эти памятники в анализируемой нами монографии следующим образом:

- 1) захоронения (каменные захоронения, курганы);
- 2) мегалитные памятники (менгиры, кромлехи, алинементы);
- 3) предметы «звериного стиля», обнаруженные в захоронениях, а также подобные предметы, используемые тибетцами и по сей день.

Таким образом, эти памятники могут быть обособлены в две группы: археологические и этнографические. Юрий Рерих подробно описывает и анализирует эти находки с точки зрения их типологии. Его познания в области современного быта кочевых племен Тибета и Центральной Азии, а также прекрасное знание тибетских письменных источников убеждают нас в правильности сделанных им сопоставлений и заключений. Так, например, захоронения, обнаруженные экспедицией в Северном Тибете, по мнению ученого, относятся к типу

каменных захоронений, хорошо известных в Северной Монголии, Трансбайкалье и на Алтае. В Северном Тибете известны небольшие группы из двух-трех захоронений в отличие от Северной Монголии, где встречаются большие территории захоронений. Найденные в Тибете захоронения тем не менее соответствуют самым древним формам захоронений на территории Северной Монголии и Алтая.

В тибетских захоронениях экспедиция, в частности, обнаружила трехсторонние наконечники стрел, которые Юрий Рерих разделил на четыре группы:

- 1) Бронзовый наконечник. Наиболее часто встречающийся тип наконечника.
- 2) Бронзовый трехсторонний наконечник с прямыми линиями. Местность Доринг и Рати.
- 3) Бронзовый трехсторонний наконечник. Местность Хор, Доринг и Чьохор.
- 4) Бронзовый трехсторонний наконечник в форме листа. Встречается редко, вероятно, относится к более поздней эпохе.
- 5) Железный плоский наконечник в форме листа.
- 6) Железный наконечник в форме листа. Часто встречается на китайских стрелах; как правило, используется в Восточном Тибете.

Юрий Рерих предположил, что древние тибетские захоронения принадлежали племенам, у которых была ярко выраженная продолгова-

тая форма головы. Эти захоронения, продолжает он, по всей видимости, однотипны с захоронениями в Урянхае и в степях близ Минусинска. Сделанные открытия позволили ученому сравнить севернотибетские захоронения с захоронениями, найденными в Западном Тибете — Ладаке и описанными ранее моравскими миссионерами и профессором А. Франке.

И все же Юрий Рерих отметил, что сделаны лишь первые шаги в описании тибетских каменных захоронений, поэтому все параллели и сравнения носят предварительный характер. В этом плане необходимы дальнейшие серьезные исследования, прежде всего специалистов-археологов. Более того, в исследуемой монографии ученый намечает границы региона, где, по его мнению, должны проводиться такие археологические изыскания. Эти замечания являются исключительно ценными, они очерчивают круг задач, решением которых должны заняться участники последующих экспедиций в Центральную Азию.

Мегалитные памятники, обнаруженные экспедицией Николая Константиновича Рериха в Северном Тибете, представлены менгирами, кромлехами и алинементами. По сути эти находки явились первыми в своем роде, обнаруженными когда-либо в районе, расположенном севернее Гималайских гор. Юрий Рерих подробно описывает мегалитные памятники,

Накладка. V—VII вв.
Тибет. Бронза. Коллекция МЦР

найденные в До-ринг, сравнивая их с известным мегалитным комплексом в Карнаке — Франция. Памятники в До-ринг образуют гигантскую фигуру в форме стрелы. Стрела являлась важным символом в древнем тибетском культе Природы и связана с культом солнца. Среди тибетцев стрела в виде молнии символизировала небесный огонь. И по сей день тибетские кочевники носят древние бронзовые наконечники стрел как амулеты, которые, по их мнению, представляют концы небесных молний, остывших после удара о землю. Среди тибетцев встречается еще одно объяснение необыкновенной силы стрел: якобы они являются символом царя Кесара, а на связь последнего с ритуалами, свидетельствующими об обожествлении Природы, указывал еще профессор А. Франке.

Юрий Николаевич Рерих чувствует острую необходимость изучать древнейшие тибетские ритуалы, которые когда-то проводились перед каменными алтарями и кромлехами. Для этого следует обратиться к богатейшей бонской литературе, сакральные сочинения которой в большей своей степени все еще остаются неизученными. По мнению ученого, некоторые из этих сочинений могут пролить

свет на то значение, которое в прошлом имели менгиры, кромлехи и алинементы в жизни тибетцев. Бонская литература представляет собой истинную сокровищницу древних верований, которые могут помочь в воссоздании эпохи великих переселений, когда предки нынешних тибетцев впервые появились на Тибетском нагорье и принесли с собой свою древнюю племенную религию.

Одним из важнейших результатов Центрально-Азиатской экспедиции Николая Константиновича Рериха явилось определение географического распространения звериного стиля среди тибетского населения. Серьезное изучение находок, относящихся к этому стилю, позволило Юрию Рериху сделать значимый вывод, что центром звериного стиля когда-то являлся Западный Хор или Нуб-хор — огромная по своей площади территория, изобилующая зелеными холмами, широкими долинами и высокими отрогами, покрытыми вечным снегом. Издревле эти земли населяют кочевые племена, объединяемые в пять племенных союзов, каждый из которых возглавляет племенной вождь, или гем-по. Эти объединения имеют скорее административный, нежели этнический характер.

Накладка. V—VII вв.
Тибет. Бронза. Коллекция МЦР

*Деталь конской упряжи. V—VII вв.
Тибет. Бронза. Коллекция МЦР*

Юрий Рерих справедливо отмечает, что в разработках последнего времени хорами (хорцами), как правило, называют представителей тюрко-монгольских племен, населявших Северный Тибет, что, впрочем, соответствует использованию этого названия и в тибетских исторических сочинениях. Некоторые европейские исследователи склонны называть хорами потомков монгольских отрядов Гуши-хана, оставшихся для постоянного проживания в районе озера Тенгри и в местности Дам. При всем этом сами тибетцы никогда не смешивают отибеченных монголов-хошутутов, проживающих в Даме, и местных тибетских кочевников, живших там испокон веков. Экспедиция Николая Рериха доказала, что в данном случае речь действительно идет о представителях двух разных народов. Среди местного хорского населения члены экспедиции обнаружили немало предметов, относящихся к звериному стилю. Среди них изображения бегущих оленей, антилоп, птиц, фантастических животных. Эти изображения нередко носят орнаментированный характер и вполне сопоставимы со скифско-сибирским звериным стилем. По мнению Юрия Рериха, все эти предметы представляют собой доказательство древних связей, существовавших между коче-

вым Тибетом и Центральной Азией. Ни буддийская по своей сути культура Лхасы, ни инородная китайская культура не смогли разрушить основных принципов древнего номадского искусства тибетских племен.

Ученый указывает на огромную роль древних иранских и палеоазиатских племен, которую они сыграли в распространении звериного стиля в Тибете. Доказательство контактов между древним Тибетом и Ираном содержится в китайских историографических трактатах, прежде всего в сочинениях Сыма Цяня. Именно иранские племена явились в свое время проводниками звериного стиля на Тибетское нагорье. Следы этого влияния в форме орнаментированного звериного стиля члены экспедиции обнаружили на многих предметах тибетского обихода, а также на клинковом оружии (прежде всего саблях).

В монографии «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» Юрий Рерих погружает нас в прошлое страны высоких гор и плодородных долин, которую населяли и продолжают населять кочевые племена, сохранившие для нас удивительные свидетельства единого эстетического и духовного пространства Центральной Азии.

Т. Дордже

Исследования Юрием Рерихом тибетских диалектов Лахула и церемонии Разбивания Камня

Прославленный художник, философ, исследователь, археолог и писатель Махариши Николай Рерих и его знаменитая семья проживали какое-то время в западно-гималайском поселении Наггаре, древней столице Кулу, в Индии. В древней индийской литературе Кулу упоминается под названием Кулата. Ла-Чен Утпала, глубоко верующий царь западного Тибета (Ладакха), проживавший в 1125—1150 гг. нашей эры, после того как захватил власть над Кулу и соседними областями, разместил в Наггаре свой военный гарнизон. Тогда тибетцы стали называть Наггар Макарсой, или Магарсой. Слово «магарса» (тиб. rMag-gar-Sa) означает «местоположение армии». Название Макарса сохранялось до XVII века. Оно было признано и иезуитским миссионером Франциско де Азеведо во время его путешествия в 1631 г. из Леха в Лахор через высокогорные гималайские страны Карджа (в настоящее время Лахул) и Кулу в сопровождении другого миссионера, Оливейры. Вероятно, они были первыми европейцами, которые посетили Лахул и чарующую долину Кулу, которая по красоте и живописности может соперничать с Кашмиром.

Мною сделана попытка проанализировать исследования Юрия Рериха, касающиеся тибетских диалектов Лахула и исполнения церемонии Разбивания Камня (на тибетском языке она называется Pho-bar rDo-gCog)

Перевод с английского Т. Кожевниковой. Научный консультант А.А. Баркова.

Девушка из Лахула. Фото Л.В. Шапошниковой

Замок Тхакура. Фото А.В. Шапошниковой

бу-ченами (странствующими ламами) долины Спити, проведенные во время его пребывания в долине Лахул в северо-западных Гималаях в 1931—1932 гг.

Рерихи впервые посетили Лахул в 1930 г. В честь их прибытия в Кейлонг, местный административный центр, князь Лахула Тхакура Партап Чанда устроил большой прием. В то время район Лахула и Спити представлял собой аванпост британской территории, населенный туземными племенами. Британское правительство доверило управление местным вождям. Их называли князьями — князь Лахула и князь Спити. С давних времен в Лахуле было три мелких вождя, которых называли Чо, или Тхакурами, и один вождь в Спити, которого называли Ноно. В прошлом они правили несколькими поселениями.

В Кейлонг можно попасть, миновав высокий перевал Ротанг (13 500 футов, или 4425 м высотой), а затем пройдя пешком от Кулу в течение нескольких дней. В те дни Рерихи разбили свой летний лагерь на высокогорном лугу Гунгшеле недалеко от Кейлонга. Они арендовали там фермерский дом, владельцем которого был Зодиа Дечен, местный христианин. Вскоре после образования лагеря они занялись исследованиями социально-культурной и религиозной жизни Лахула.

Тибетские диалекты Лахула

У единенную горную страну Лахул в северо-западных Гималаях населяют многочисленные этнические общины, говорящие на разных диалектах. Эти диалекты языка *джанг джунг* или *кинор кирата* принадлежат к языкам как индоарийской, так и тибето-бирманской семьи. Общины *тодна* и *ранглопа*, которые занимают самые верхние районы долин Бхага и Чандра, говорят на диалектах тибетского языка *тод кад* (тиб. sTod-sKad) и *рангло кад* (тиб. Ranglo-skad), эти названия соответствуют названиям общин.

Доктор Юрий Рерих называл *рангло кад* диалектом *кхоксар*. Кхоксар — поселение общины ранглопа. Рерих подробно исследовал также фонетику и грамматику двух субдиалектов языка *джанг джунг* или *кинор кирата*, под названиями *пунан кад* (тиб. Punan-skad) и *тинан кад* (тиб. Tinan-sKad), которыми пользуются общины пунанпа и тинанпа. До этой его работы никакого методического изучения этих двух субдиалектов не проводилось, существует лишь краткое упоминание лахульских диалектов в третьем томе исследования Грирсона «Лингвистический обзор Индии»¹. Лахульские диалекты, однако, были упомянуты и описаны германским миссионером

¹ Grierson G.A. Linguistic survey of India. V. III. Calcutta, 1908. P. 69—71.

Ешке, который жил здесь в течение длительного времени в качестве проповедника-евангелиста. Он составил англо-тибетский словарь (опубликован в 1881 г.); в этом словаре содержится некоторое количество лахульских слов.

Лажульские диалекты важны при исследовании тибетской лингвистики, поскольку они представляют собой переходную стадию между диалектами западно-тибетской группы *ладакхи, занскари, пуриг, балти* и диалектами областей Спити и Нга-ри. В лахульских диалектах, так же как и в диалектах пуриг и балти, сохранилось много архаичных слов. Близость этих диалектов к литературному языку Тибета позволяет предположить, что народ тодпы, вероятно, мигрировал в Лажулу во время второй волны буддизма в Тибете из Занскара, а народ ранглопы — из Спити.

Здесь необходимо сделать краткое пояснение относительно того, как тибетская культура и язык укоренились на обширной территории Западного Тибета и соседнего Гималайского региона, включая бассейн верховьев Инда, частью которого является Лажула.

Задолго до распространения тибетского языка и культуры на западно-тибетском плато и в бассейне верховьев Инда существовала независимая страна, известная как Джанг Джунг. В этой стране были собственные высокоразвитые культура, язык и религия. Хотя большая часть населения этой страны занималась скотоводством, верованием народа страны Джанг Джунг была религия бон. Можно считать, что эта религия такая же древняя, как зороастризм и иудаизм. Языком этого народа был язык *джанг джунг кад* (тиб. Zhang zhung sKad). Этим языком пользовались в повседневном общении простое население, и в соответствии с традицией считается, что на нем проповедовал доктрину бон создатель этой религии Тонпа Шенраб Мио. Этот язык не родствен тибетскому, как полагают некоторые тибетологи. За исключением тибетского лахульского диалекта, остальные субдиалекты: *лахул-пунан, тинан и манчад* — относятся к языку джанг джунг.

Община кинор-кирата, упоминаемая в исторических хрониках древней Индии и Непала, является не чем иным, как общиной джанг джунг, на которую ссылаются тибетские и китайские источники.

Присоединение древней страны Джанг Джунг к Тибетскому государству было осуществлено властной рукой Сронгцен Гампо, царя Тибета, в VII столетии н.э. Политико-религиозное подавление народа джанг джунг Тибетом, а затем Китаем, было столь мощным, что в конце кон-

цов привело к удушению этой древней культуры. В настоящее время горстка последователей веры бон проживает в китайском Тибете, а также в Индии в качестве беженцев из Тибета. Исследования по данному вопросу, выполненные доктором Юрием Рерихом, тщательны и достоверны, и он опережает всех других ученых в том, что касается знания диалектов племен Лажула в северо-западных Гималаях.

Исследования старинных песен Лажула

Исследования доктора Юрия Рериха, касающиеся старинных песен (на тибетском диалекте Лажула), можно считать первопроходческими. Лажульцы исполняли эти песни, восхваляя своих богов, горных духов, природные стихии и важных животных, предков и жителей своей страны, на всех значительных собраниях и социально-религиозных мероприятиях. Эти песни считались очень важными и благословенными. Обычай исполнения этих песен давно сложился в племенах Лажула, и его можно сравнить с исполнением церковных гимнов. Рерих рассматривает в тибетском диалекте Лажула два пласта. Одним из них является современная повседневная речь, которая благодаря особой фонетической структуре развилась в своеобразный независимый лахульский разговорный язык, на который оказали влияние соседние диалекты языка джанг джунг и, до некоторой степени, западно-гималайские диалекты хинди долин Чамба и Кулу. Вторым объектом исследований являются старинные песни и молитвы, которые представляют литературную форму диалекта и относятся к более древнему языковому пласту. Эти древние пласты, должно быть, проникли в долину на очень ранней стадии, примерно в IX — X веках. Пристальное изучение песен приводит к выводу, что они принадлежат к небуддийской категории и, вероятно, являются народными и светскими. Благодаря повторяющимся упоминаниям в этих песнях трех царств — небес, мира людей и нижнего мира, — а также описаниям важных животных, таких, как львы, пантеры и т. д., мы вполне можем предположить, что они принадлежат к религии бон древней исчезнувшей страны Джанг Джунг. Согласно доктрине бон, особая значимость придается охране природных богатств, чистоте атмосферы, а также восхвалению различных духов путем вознесения молитв. Тибетские лахульские песни соответствуют всем этим принципам, свойственным религии бон, которые изучал доктор Юрий Рерих во время своего пре-

вания Камня, чтобы прогнать из своих поселений злых духов.

Говорят, что впервые эту церемонию исполнил знаменитый Махасиддха (Совершенный) Тхангтонг Гьялпо (родившийся в 1385 г. нашей эры) во время строительства монастыря Ри-о Че в 51 км на юго-запад от Лхасы. Ему также приписывается создание более 100 железных, подвешенных на цепях, мостов через реки Тибет и Бутан. Известным мостом, построенным Махасиддхой, является мост Чу-о Ри через реку Яру Цанг-по. Кроме того, он в совершенстве владел искусством получения железа из железной руды.

Первоначально Махасиддха Тхангтонг Гьялпо принадлежал к школе *шангпа* (тиб. Shang-pa bKa brGyud), входящую в школу *кагьюпа*. Эта школа была основана великим йогом и сиддхой Кьюнпо Нальджор (жившим в 978—1079 гг.), который учился сутре и тантре у индийских учителей Рахула Гупта и Сукха Сиддха. После того как он усовершенствовал свои познания в Дхарме, Кьюнпо Нальджор в течение тридцати лет наставлял собственных учеников, и число их достигает нескольких тысяч. Он построил много монастырей в Тибете. Главным среди них был монастырь Джанг Джунг в долине Шанг. Главные его учения основывались на пяти Тантрах — идамов Чакрасамвары, Хеваджры, Махамайи, Гухьясамаджи и Ваджрабхайравы.

Независимых школ настоящей традиции больше не существует, но эти учения практикуют ламы менее значительных школ, развившихся позднее. Махасиддха Тхангтонг Гьялпо также основал свою малую школу Чу-о ри-па после того, как принял эзотерические наставления непосредственно в прямой передаче от йогини Нигумы, духовной супруги индийского йога Сиддха Наропа (жившего в X веке).

Местные жители приглашают бу-ченоев для исполнения церемонии Разбивания Камня, и те во время церемонии разбивают камень на животе одного из лам. Они являются туземными жителями боковой долины Пин, отвечающей от долины Спити. Еще предстоит изучить, кто ввел эту уникальную традицию церемонии Разбивания Камня в уединенной долине Пин в Спити. Центр долины Пин — единственный в Западном Тибете и в индийских Западных Гималаях центр религиозно-магической традиции Махасиддхи Тхангтонг Гьялпо. Однако учения и практики этого древнего искусства исполнения ритуала Разбивания Камня сохраняются и по сей день среди странствующих учеников Махасиддхи, известных как бу-ченые. Бу-ченые нович-

ки проходят курс строгой тантрической медитации, в соответствии с указаниями *ло-чена* (духовного учителя), в течение года в полном уединении в горных пещерных обителях. Необходима энергичная физическая тренировка, чтобы во время представлений демонстрировать различные виды жонглирования саблями.

В долине не существует храма или монастыря школы Чу-о-ри, входящую в школу кагьюпа, хотя в долине Кунгри есть древний монастырь школы *ньингмапа* тибетского буддизма. Этот монастырь обеспечивает духовное руководство и оказывает ритуальные услуги обитателям долины Пин, включая бу-ченоев. Как было уже сказано, бу-ченые являются странствующими ламами, но в поселении они ведут, как и все остальные, обычную семейную жизнь.

Археологический обзор Лахула

Доктор Юрий Рерих в журнале «Урусвати»³ сообщал об археологических находках старинных глиняных горшков в древних захоронениях в лахульских долинах Чандра и Бхага. Понимая значимость древних могил в изучении ранней истории региона и Тибета, он выполнил краткое исследование. В результате этого исследования, проведенного на местах, обнаруженных местными жителями во время полевых работ и при строительстве фундаментов новых домов, он упоминает существование трех типов могил. Но ему не удалось получить остатки глиняных горшков из этих захоронений. Обычно подобные находки уничтожают обнаружившие их люди из-за страха навлечь беду на себя или свою семью. Поэтому добыть такие предметы из могил здесь, в долине, нелегко.

Мне удалось раздобыть пять цельных глиняных кувшинов ручной работы из древнего захоронения в поселении Гускьяр (деревне моих предков), которое доктор Юрий Рерих упоминал в своем докладе в журнале «Урусвати». Внутри древнего *чортена*, или ступы (X — XI века нашей эры), в поселении Коланг в Верхнем Лахуле найдены два плоских предмета *ца-ца* (это глиняные формы для изготовления религиозных металлических реликвий). Они являются весьма важными находками, относящимися к ранней истории Западного Тибета и Лахула-Спити.

³ Urusvati. V. 2. Naggar, Kulu, 1932. P. 151.

*Лахул. Богиня при дороге.
Фото Л.В. Шапошниковой*

Н.К. Рерих

Алтай*

Во все небо стояла радуга. И не одна, но две. И в радужные ворота стремилась широкая Обь. Великая Обь — родина жены и змия.

Шамбатион-река¹ стремительно катит по порогам и камням. Кто не пострашится, перейдет ее. А на той стороне живут люди М. «М» — самая священная буква алфавита, она скрывает имя грядущего. Каббала помнит Шамбатион. Катит камни — катунь настоящая. И не построен еще город на месте новом.

Катунь — по-тюркски «женщина».

«Додекаэдрон женского начала обозначается в географических понятиях, связанных со сроками эволюции».

«На Катуни и на Бии встанет брат на брата. Будет избиение великое, а потом начнется новая жизнь».

И еще приходили другие и толковали все о том же двадцать восьмом годе. Солнечные пятна сгущаются так через семьдесят семь лет. И пришел самый вдохновенный человек и о том же толкует. Вот диво-то: один по астрономии, другой по астрологии, третий по писаниям, четвер-

тый по числам, и разговоры все о том же самом. Вот диво-то. К 1911 прибавить 25 — получается тот же 1936 год.

Камень — дивный камень. Тигеревский камень. И просто — камень. И весь край — сплошной камень.

Елен-Чадыр, Тоурак, Куеган, Карагай, Ак-Кем, Ясатар, Эконур, Чеган, Арасан, Уруль, Кураган, Алахой, Жархаш, Онгудай, Еломан, Тургунда, Аргут, Карагем, Арчат, Жалдур, Чингистай, Ак-Ульгун, Хамсар.

Это все имена. Эти названия речек, урочищ и городищ — слышатся как напевный лад, как созвучный звон. Столько много народов принесли свои лучшие созвучия и мечты. Шаги племен уходят и приходят.

Около черного Ануя на Караголе — пещеры. Глубина и протяжение их неизвестны. Есть там кости и надписи.

А когда перешли Эдигол, расстилалась перед нами ширь Алтая. Зацвела всеми красками зеленых и синих переливов. Забелела дальними снегами. Стояли трава и цветы в рост всадника. И

* Печатается по: *Рерих Н.К.* Алтай — Гималаи. Рига, 1992. С. 279 — 291.

¹ Шамбатион — река, упоминаемая в Ветхом Завете.

даже коней здесь не найдешь. Такого травного убора нигде не видали.

Поравнялся с нами алтаец. Пугливо взглянул на нас. Что за новые чужаки в его страну пожаловали? Махнул плетью и потонул в звонких травах. Синих, золотых, пурпуровых. Поражающе сходство североамериканских индейцев с монголами.

Про доброго Ойрота все знают. А любимое имя алтайцев — Николай.

За Ялуем начались алтайские айлы. Темнеют конические юрты, крытые корой лиственницы. Видно место камланий. Здесь не говорят «шаман» — но «кам». К Аную и к Улале есть еще камни, «заклинатели снега и змей». Но к югу шаманизм заменился учением про Белого Бурхана и его друга Ойрота. Жертвоприношения отменены и заменились сжиганием душистого вереска и стройными напевами. Ждут скорое наступление новой эры. Женщина — молодая алтайка — почуяла новые шаги мира и хранит первый строгий устав.

Размытая ливнями дорога утомила коней. Остановились в Кырлыке. Придется здесь просидеть ночь. Но не жаль провести ночь в месте, где

родилось учение о Белом Бурхане и его благом друге Ойроте. Имя Ойрота приняла целая область. Именно здесь ждут приход Белого Бурхана. В скалах, стоящих над Кырлыком, чернеют входы в пещеры. Идут пещеры глубоко, конца им не нашли. Здесь также пещеры и тайные ходы — от Тибета через Куэнь-Лунь, через Алтын-Таг, через Турфан; «длинное ухо» знает о тайных ходах. Сколько людей спасались в этих ходах и пещерах! И явь стала сказкой. Так же как черный аконит Гималаев превратился в Жар-цвет.

«А как выросла белая береза в нашем краю, так и пришел белый царь и завоевал край наш. И не захотела чудь остаться под белым царем. Ушла под землю. И захоронилась камнями». На Уймоне показывают чудские могилы, камнями выложенные. «Тут-то и ушла чудь подземная». Запечатлелось переселение народов.

Беловодье! Дед Атаманова и отец Огнева ходили искать Беловодье. «Через Кокуши горы, через Богогорше, через Ергор — по особой тропе. А кто пути не знает, тот пропадет в озерах или в голодной степи. Бывает, что и беловодские люди выходят верхом на конях по особым ходам по

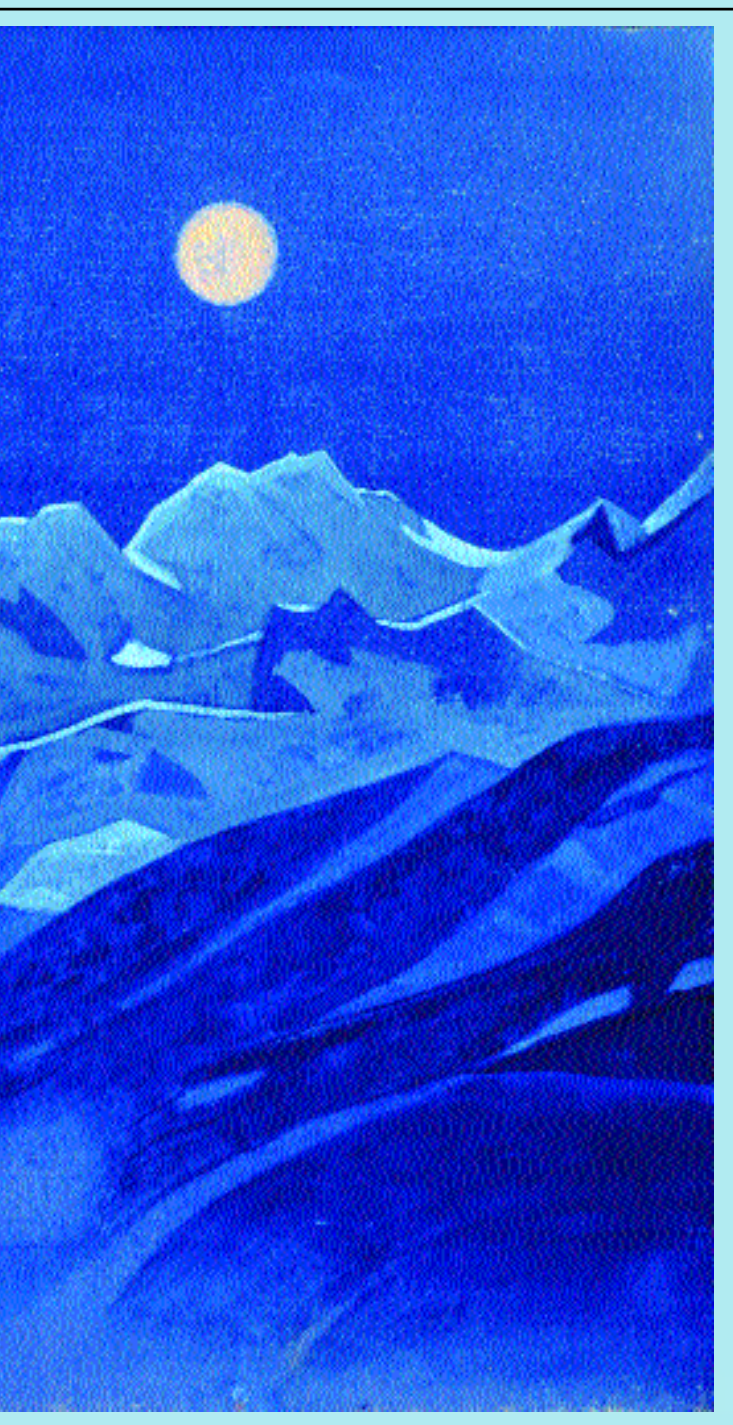
Н.К. Рерих. Ойрот, посланник Белого Бурхана

Ергору. Также было, что женщина беловодская вышла давно уже. Ростом высокая, станом тонкая, лицом темнее, чем наши. Одета в долгую рубаху, как бы сарафан. Сроки на все особые».

С юга и с севера, с востока и с запада мыслят о том же. И тот же эволюционный процесс запечатлевается в лучших образах. Центр между четырех океанов существует. Сознание нового мира — существует. Время схода событий — улажено, соблазн собственности — преоборен, неравенство людей — превзойдено, ценность труда — возве-

щена. Не вернется ли чужд подземная? Не седлают ли коней агарты, подземный народ? Не звонят ли колокола Беловодья? По Ергору не едет ли всадник? На хребтах — на Дальнем и на Студеном — пылают вершины.

«В 1923 году Соколиха с бухтарминскими поехала искать Беловодье. Никто из них не вернулся, но недавно получилось от Соколихи письмо. Пишет, что в Беловодье не попала, но живет хорошо. А где живет, того и не пишет. Все знают о Беловодье».

«С каких же пор пошла весть о Беловодье?» — «А пошла весть от калмыков да от монголов. Первоначально они сообщили нашим дедам, которые по старой вере, по благочестию».

Значит, в основе сведений о Беловодье лежит сообщение из буддийского мира. Тот же центр учения жизни перетолкован староверами. Путь между Аргунью и Иртышом ведет к тому же Тибету.

Задумана картина «Сосуд нерасплесканный». Самые синие, самые звонкие горы. Вся чистота. И несет он сосуд свой.

Пишут об магнитных бурях, о необычных температурах и о всяких ненормальностях в природе в связи со сгущением солнечных пятен. В будущем году эффект пятен будет еще значительнее. Возможны необычайные северные сияния. Возможно потрясение нервной системы. Сколько легенд связано с солнечными пятнами, с грозными морщинами светила.

Рамзана ушел в Ладак. Не вынес северных низин. «Или уйду, или умру». Конечно, вся жизнь ладакцев проходит на высотах не ниже двенадцати тысяч футов (3,5 км). Жаль Рамзана. Спокойно оставляли на ладакцев охрану всех вещей. А ойротские ямщики на ладакцев не похожи.

Кооператор бодро толкует: «Мы-то выдержим. Только бы машины не лопнули. Пора бы их переменить».

И считает Вахрамей число подвод с сельскими машинами. Староверское сердце вместило машину. Здравое судит о германской и американской индустрии. Рано или позднее, но будут работать с Америкой. Народ помнит американскую АРА². Народ ценит открытый характер американцев и подмечает общие черты. «Приезжайте с нами работать», — зовут американцев. Этот дружеский зов прошел по всей Азии.

После индустриальных толков Вахрамей начинает мурлыкать напевно какой-то сказ. Разбираю: «А прими ты меня, пустыня тишайшая. А и как же принять тебя? Нет у меня, пустыни, палат и дворцов...»

Знакомо, сказ про Иосифа. «Знаешь ли, Вахрамей, о ком поешь? Ведь поешь про Будду. Ведь Бодхисатва — Бодхисатв — переделано в Иосаф».

Так влился Будда в кержацкое сознание, а пашня довела до машины, а кооперация до Беловодья.

Но Вахрамей не по одной кооперации, не по стихирам только. Он, по завету мудрых, ничему не удивляется; он знает и руды, знает и маралов, знает и пчелок, а главное и заветное — знает он травы и цветики. Это уже неоспоримо. И не только он знает, как и где растут цветики и где затаились корни, но он любит их и любит ими. И до самой седой бороды, набрав целый ворох многоцветных трав, он просветляется лицом и гладит их, и ласково приговаривает о их полезности. Это уже Пантелей Целитель, не темное ведовство, но опытное знание. Здравствуй,

² АРА — American Relief Administration, американская организация по оказанию помощи европейским странам, пострадавшим в 1-й мировой войне, действовавшая в 1919 — 23 гг. под руководством г. Гувера. Принимала участие в помощи голодающим Поволжья в 1921 г.

Вахрамеев Семён! Для тебя на Гималаях Жар-цвет вырос.

А вот и Вахрамеева сестра, тетка Елена. И лекарь, и травчатый живописец, и письменная искусница. Тоже знает травы и цветики. Распишет охрой, баканом и суриком любые наличники. На дверях и на скринях наведет всякие травные узоры. Посадит птичек цветистых и желтого грозного леву-хранителя. И не обойдется без нее ни одно важное письмо на деревне. «А кому пишешь-то, сыну? Дай-ко скажу как писать». И течет длинное жалостливое и сердечное стихотворное послание. Такая искусница!

«А с бухтарминскими мы теперь не знаем. Они, вишь, прикинулись коммунарами и наехали грабить, а главное — старинные сарафаны. Так теперь их зовут “сарафанники”. Теперь, конечно, одумались. Встретится — морду воротит: все-таки человек, и стыдно. Теперь бы нам машин побольше завести. Пора коней освободить».

И опять устремление к бодрой кооперации. И тучнеют новые стада по высокому хребтам. А со Студеного хребта лучше всего видно самую Белуху, о которой шепчут даже пустыни.

Все носит следы гражданской войны. Здесь на Чуйском тракте засадою был уничтожен красный полк. Там топили в Катунь белых. На вершине лежат красные комиссары. А под Котандой зарублен кержацкий начетчик. Много могил по путям, и около них растет новая, густая трава.

Как птицы по веткам, так из языка в язык перепархивают слова. Забытые и никем не признанные. Забайкальцы называют паука — мизгирем. Торговый гость, мизгирь, по сибирскому толкованию — просто паук. Какое тюркское наречие здесь помогло? Ветер по-забайкальски — хиус. Это уже совсем непонятно. Корень не монгольский и не якутский.

В тайге к Кузнецку едят хорьков и тарбаганов (сурков). Это уже опасно, ведь тарбаганы болеют легочной чумой. Говорят, что чумная зараза исчезает из шкурки под влиянием солнечных лучей. Но кто может проверить, когда и сколько воздействовали солнечные лучи? Откуда шла

знаменитая «испанка», так похожая на форму легочной чумы? Не от мехов ли? Часты в Монголии очаги заболеваний, а чума скота вообще довольно обычна. Ко всему привыкаешь. В Лахоре, в Шринагаре и в Барамуле³ была при нас сильная холера; в Хотане была оспа; в Кашгаре скарлатина. Обычность делает обычными суровые явления.

Ойротские лошадки выносливы. Хороши также кульджинские олетские кони. Карашарские бегуны и бадахшанцы не выносливы и в горах менее пригодны.

Монголы и буряты хотят видеть разные страны, хотят быть и в Германии и во Франции. Любят Америку и Германию. Необходимость расширить кругозор характеризуется ими старинной притчей о лягушке и черепахе. Лягушка жила в колодце, а черепаха в океане. Но приходит черепаха к лягушке и рассказывает о громадности океана. «Что же, по-твоему, океан вдвое больше моего колодца?». «Гораздо больше», — отвечает черепаха. «Скажешь, в три раза больше колодца?» — «Гораздо больше». — «И в четыре раза больше?» — «Гораздо». Тогда лягушка прогнала черепаху как хвастуна и лжеца.

Поповцы, беспоповцы, стригуны, прыгуны, поморцы, нетовцы (ничего не признающие, но считающие себя «по старой вере») доставляют столько непонятных споров. А к Забайкалью среди семейских, то есть староверов, ссылавшихся в Сибирь целыми семьями, еще причисляются и темноверцы и калашники. Темноверцы — каждый имеет свою закрытую створками икону и молится ей один. Если бы кто-то помолится на ту же икону, то она считается негодной. Еще страннее — калашники. Они молятся на икону через круглое отверстие в калаче. Много чего слышали, но такого темноверия не приходилось ни видеть, ни читать. И это в лето 1926 года! Тут же живут и хлысты, и пшкловцы, и штундисты, и молокане. И к ним уже стучится поворотливый католический падре. Среди зеленых и синих холмов, среди таежных зарослей не видеть всех измышлений. По бороде и по низкой

³ Барамул — населенный пункт на севере Кашмира.

*Тюркское каменное изваяние. Республика Алтай.
Фото А. Клюева*

повязке не поймете, что везет с собою грузно одетый встречный.

В Усть-Кане последняя телеграфная станция. Подаем первую телеграмму в Америку. Телеграфист смущен. Предлагает послать почтой в Бийск. Ему не приходилось иметь дело с таким страшным зверем, как Америка. Но мы настаиваем, и он обещает послать, но предварительно запросит Бийск.

На следующий год запланировано продолжить железнодорожную линию до Котанды, то есть в двух переходах от Белухи. До Котанды еще с довоенного времени была запроектирована ветка железной дороги от Барнаула, связывая сердце Алтая с Семипалатинском и Новосибирском. Говорят: «Тогда еще инженеры прошли линию». — «Да когда, тогда?» — «Да известно — до войны». Таинственное «тогда» становится определителем довоенной эпохи. Уже Чуйский тракт делается моторным до самого Кобдо. Уже можно от Пекина на «дожде» доехать до самого Урумчи, а значит, и до Кульджи, и до Чугучака, до Семипалатинска. Жизнь кует живительную сеть сообщений.

Ползут рассказы из Кобдо. Каждому занятно передать хоть что-нибудь из неведомой Монголии, из страны магнитных бурь, ложных солнц и крестовидных лун. Все хотят знать о Монголии. Все особенное. Толкуют, что часового солдата съели собаки. Он семь их зарубил, но от стаи отбиться не смог. Монгольский командующий в Улясутае съел человеческое сердце. Кто говорит — русское, а кто полагает — китайское. На Иро и к Урянхаю — много золота. То же на Иро, у шаманки родился странный мальчик, который сообщил какое-то предсказание. Шептали про перевоплощение богдо-гегена монгольского. А другой такой же, какой-то особенный, родился в Китае. Но знатоки не признают ни того, ни другого: ведь богдо-геген ни-

когда ни в Монголии, ни в Китае не рождался, а всегда это происходило в Тибете. На пути из Улясутая в Кобдо выскочили какие-то дикие люди в мехах и кидали камнями в машину. Их называли «охранители». По пути в Маньчжурию из скалы течет в пустыню «минеральное масло». И такие магнитные места, что даже машина замедляет ход.

На перекрестках дорог ткуются сложные ковры — слухи азиатских узоров. Да и как же без вестей? Этак скоро ни к чему будет в дальний аил поехать и попить чай с крепким наваром рассказов. Монголия привлекает внимание.

«За периодом пробуждения Востока наступает период прямого участия народов Востока в решении судеб всего мира».

«Курумчинские кузнецы» — странные, непонятные народы, которые не только прошли, но и жили в пределах Алтая и Забайкалья. Общепринятые деления на гуннов, аланов, готов — разбираются на множество необъясненных подразделений. Настолько все неизвестно, что монеты с определенными датами иногда попадают в совершенно несоответственные времени установленные периоды. Оленьи камни⁴, керексуры⁵, каменные бабы, стены безымянных городов хотя и описаны и сосчитаны, но пути народов еще не выявлены. Как замечательны ткани из последних гуннских могил, которые дополнили знаменитые сибирские древности.

Живет предание о черном камне, появляющемся в сроки больших событий. Если сравните все устные сроки из Индии, Тибета, Египта, Монголии, то совпадения их напомнят, как помимо историков пишется другая история мира. Особенно значительно сравнение показаний совершенно различных народностей.

Калмыки и монголы по следу коней и верблюдов узнают род и количество груза. Скажут: «Проехал конный с двумя конями в поводу. Два

⁴ Оленьи камни — скалы и камни, покрытые древними рисунками.

⁵ Керексуры — древние могилы в виде курганов из камней.

коня загнаны, а третий свежий». Или: «Прошел табун и при нем два вершника⁶».

Передавали случаи из недавних войн. Вызвался один наездник принудить к сдаче целый полк. Взял одного товарища и большой табун конский, — «Больше, — говорит, — ничего и не надо». Подогнал табун с наветренной стороны, а сам поехал с товарищем для переговоров. Требует: «Немедленно сдать оружие, иначе поведу на вас все мое войско». Подумали, поглядели на столбы пыли от табуна, да и сдали оружие. А удалец велит товарищу: «Скачи, отведи войско обратно». Так и принудил к сдаче весь полк. И это не чингисова сказка, а недавняя быль.

И слухи опережают даже моторы. За двести верст верхом едут чай попить.

Опять передают: «Толкуют, что вы пропали». Неужели во второй раз меня похоронят? Откуда это неиссякаемое стремление клеветы и всяких ложных выдумок? Говорят, что много распространено поддельных картин под меня. Рассказывают целые забавные истории и даже называют несколько имен, таким порядком на мне заработавших. Говорят, В. и Р. — один в Ленинграде, а другой в Москве поработали. Несколько подделок мне приходилось видеть еще до войны. Помню одну очень большую картину, неглупо составленную из фрагментов разных моих вещей. Бедный собиратель, позвавший меня одобрить его покупку, был огорчен безмерно. Друзья, вам могут приносить в музей такие подделки, смотрите, будьте осторожнее. Так часто приходилось видеть и картины, и целые альбомы, фальшиво приписанные. Помню одну картину Рущица, подписанную моим именем.

Рассказывают о гибели многих моих картин. Пропал «Зов змия» из Академии, пропали «Поход», «Ункрада», «Построение стен», «Святогор» и другие. Конечно, их считают пропавшими, но кто знает? Пути вещей так неожиданны. Собирая

работы старинных мастеров, мы наталкивались на такую изысканную игру жизни.

Приходит заезжая художница. Приходит геологическая экспедиция. Говор о художниках: крепко стоят Юон, Машков, Кончаловский, Лентулов, Сарьян, Кустодиев. Пошатнулся Бенуа. Ушел в Литву Добужинский. Не упоминают Сомова, не знают, что Бакст умер. Подрастают молодые. Смело действуют Щусев и Щуко. И ходит художница, и зарисовывает старые уголки: ворота, наличники окон, резные балки и коньки крыш, точно последний списочек вещей перед дальним путем. И исчезнут с крыш резные коньки. И пусть уйдут, так же как и узоры набойки. Но чем заменятся они? «Венский» стул и линючий ситец — не вводят культуру. Вот для молодых-то и задача: дать облик будущей жизни. Из фабричных гудков и из колокольного звона создавали симфонию. Если даже это не удалось, то сама затея была созвучна. Вот и для обстановки дома нужна находчивая рука и затея без предрасудков. Вот мстерские, палехские и холуйские иконники обновили и продолжают свою работу. Как красивы их произведения в Кустарном музее! Привет Вольтеру⁷.

На востоке применяют экстериоризацию чувствительности не только к отдельным личностям, но и к группам и как бы к целым местностям. Получается грандиозный опыт применения психической энергии. И все это делается молчаливо и анонимно.

Смотрите и удивляйтесь: и книги, и картины, и песни, и танцы, и строения — все это анонимно пускается по волнам мира. Книги, по традиции, приписываются определенному автору, но ведь он-то сам на рукописи свое имя не ставил. Картины не подписаны; имя зодчего Поталы не запечатлено. На фарфоре, на керамике и на металлических изделиях видите иногда марку производства, но не имя автора. И в этой основной

⁶ *Вершник* — верховой, всадник.

⁷ *А.А. Вольтер* — русский художник, учившийся у Н. Рериха.

анонимности Восток далеко оставил за собою Запад. У Востока нужно учиться, но для этого нужно усвоить психологию Востока. Восток не любит фальшивых пришельцев; Восток легко различает маскарадную подделку. И Восток никогда не забудет свое решение. Испытание Востока решается в первый же момент. Все заплатки поправок лишь увеличат шутовство поддельного наряда.

Открытие Теремина: «Мы видели на экране движение человеческой руки, происходившее в те же моменты времени за стеною в соседней комнате». Наконец-то «чудесное» делается просто «научным». Наконец-то начинают обращаться к реальному изучению всех свойств энергии.

Именно тогда, когда мы не просили, именно тогда, когда не ожидали, он сам сказал и показал свое знание особых мест Тибета. Наши простецы сочли бы это за сказку или за необычайное откровение, а он улыбнулся, запахнул желтый халат и показал знание, кто и где живет. «А с тем местом уже пятнадцать лет не было сношений».

В личных покоях далай-ламы поставлено недавно сделанное изображение Будды с пламенным мечом. «Будда — Победитель всепокоряющий».

К таши-ламе в Пекине пришла группа китайцев, прося выдать им паспорта для отправления в Шамбалу. Это нам напомнило письмо, написанное из Бостона в Шамбалу. Откуда и как встретила эта китайская группа? Собрали ли их скитания Лао-дзина? Или более старые писания? Или книга утайшаньского настоятеля? Когда-то смеялись бы над этим фактом, но сейчас произошло многое. Так обогатилась литература, что недавняя «выдумка» и «магия» переданы в лабораторию исследования. И скептики негодуют, но благодаря их полной необразованности и непростившимся. Прислушиваемся к шагам нового мира. Видим движение великой руки Азии. Даже самые тяжелодумы спрашивают, что это значит? Можно говорить о значении происходящего, но самый факт уже не остается незамеченным.

Толкуют об опытах Манойлова, исследовавшего пол растений и минералов, а также мужское и женское начало человеческой крови. Опыт

с минералом пиритом дает результат, издавна указанный наукой Востока. «Пирит дает кристаллы двух видов — в виде куба и в виде двенадцатигранника. Если тот же единый реактив налить в пробирку с кубическими кристаллами, получится обесцвечивание жидкости — мужская реакция, а если то же сделать с двенадцатигранными кристаллами, получится фиолетовое окрашивание — женская реакция». Для Запада это открытие ново, но Восток в своих древнейших формулах говорит о двенадцатизначнике (додекаэдроне) Матери Мира — женского начала. Также указывается о фиолетовом физическом женском излучении. Представьте себе, с какой спокойной улыбкой слушает ученый Востока о «новых» открытиях Запада. «Гемоглобин в крови животных и хлорофилл в соке растений по природе своей сходны». И ученый Востока кивает головой в знак давно известного согласия.

Луначарский говорит: «Ведь у нас до сих пор еще, несмотря на сердитый окрик <...>, распространено представление о том, что культура вплоть до возникновения элементов культуры пролетарской сплошь “буржуазна”, что она представляет собою опасный яд для всякого правоверного коммуниста и что следует всемерно ограждать таких правоверных не только от “совета нечестивых”, то есть людей старой культуры, но и от того, что они произвели. Порой, слушая таких людей, можно подумать, что мы не ученики Маркса, в колоссальной степени владевшего старой культурой и ценившего ее, между прочим также и в области искусства, — вспомним его отношение к Гомеру, Шекспиру, Бальзаку, Гете и Гейне, — а ученики какого-то своеобразного Савонаролы, чуть-чуть не его “Плаксы”, боящиеся всякой радости жизни и готовые собрать на площади им. Свердлова большой костер для сожжения “Суеты сует”... Здесь уместно припомнить, как непрестанно и как подчеркнуто возвращался Владимир Ильич к идее о необходимости усвоить старую культуру вплоть до старого искусства, о чем совершенно определенно гласит составленный им соответственный параграф нашей программы».

В великом Владимире поразительно отсутствует отрицание. Он вмещал и целесообразно вкладывал каждый материал в мировую постройку. Именно это вмещение открывало ему путь во все части света. И народы складывают ленинскую легенду не только по прописи его постулатов, но и по качеству его устремления. За нами лежат двадцать четыре страны, и мы сами в действительности видели, как народы поняли притягательную мощь <...>. Друзья, самый плохой советчик — отрицание. За каждым отрицанием скрыто невежество. И в невежестве — вся гидра контрреволюции.

Знайτε, знайте без страха и во всем объеме.

Когда же наконец люди выйдут из туманных потемок «мистики» для изучения солнечной действительности? Когда же извилина пещеры сменится сиянием простора?

Маральи рога и мускус кабарги до сих пор являются ценным товаром. Нужно исследовать целебные свойства толченого рога марала. Весенняя кровь, налившая эти мохнатые рога, конечно, напитана сильными отложениями. В чем разница мускуса тибетского барана от мускуса алтайской кабарги? Кабарга питается хвоей кедра и лиственницы. Алтайцы жуют хвойную смолу. Все качества мускуса должны быть исследованы.

Стоим в бывшей старовойской моленной. По стенам еще видны четырехугольники бывших икон. В светлице рядом написана на стене красная чаша. Откуда? У ворот сидит белый пес. Пришел с нами. Откуда?

Белый Бурхан, конечно, он же Благословенный Будда. В области Ак-кема следы радиоактивности. Вода в Ак-кеме молочно-белая. Чистое Беловодье. Через Ак-кем проходит пятидесятая широта. Вспоминаем заключение Чома де Кереша.

На вершинах холмов наблюдается необычно теплая температура в зимнее время. По заметкам Сапожникова, ледник на Белухе за пятнадцать лет отступил на сто восемьдесят метров.

Около двух часов ночи на второе августа на восток от села Алтайского падал сильно светящийся огромный метеорит. К югу от Верхнего

Уймоны в прошлом году на вершине холма выбросило как бы взрывом камни и песок. Образовалась воронка.

Начата картина «Сосуд нерасплесканный». Самые синие, самые звонкие горы. Сама чистота. Как на Фалюте. И несет он с горы сосуд свой.

«Кует кузнец судьбу человеческую на Сиверных горах». Гроб Святогора на Сиверных горах. Сиверные горы — Сумыр, Субур, Сумбыр, Сибирь — Сумеру. Все тот же центр от четырех океанов. В Алтае, на правом берегу Катуня, есть гора, значение ее приравнивается мировой горе Сумеру. *Саин Галабын судур* — «Сказание о добром веке».

Все деревья были заговорены, чтобы не вредить Бальдру⁸. Одна омела была забыта; именно стрела из этой омелы поразила Бальдра. Все животные дали благословение на построение храма в Лхасе, но один сивый бык был забыт, он-то и восстал после, в виде нечестивого царя, против истинного учения. Ничто сущее не должно быть обойдено при строительстве. «Даже мышь перегрызет узлы».

Приветлива Катунь. Звонкие синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительны зеленые травы и кедры. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай? Чье сердце убоилось суровой мощи и красоты?

Семнадцатого августа увидели Белуху. Было так чисто и звонко. Прямо Звенигород.

А за Белухой покажется милый сердцу хребет Куэнь-Луны, а за ним — «Гора божественной владычицы», и «Пять соковок снегов», и сама «Владычица белых снегов», и все писаное и неписаное, все сказанное и несказанное.

«Между Иртышом и Аргунью, через Кокуши, через Богогорше, по самому Ергору едет всадник»...

1926 год

⁸ Бальдр — бог добра в скандинавской мифологии.

Е.П. Маточкин

Святыни Алтая

Есть на земле места, которые покоряют каждого, кому хотя бы раз довелось их увидеть. Быть может, поначалу человек и не осознал в полной мере окружавшую его красоту, однако уже то, что запало в душу, постоянно всплывает из памяти и вновь и вновь притягивает к себе. У одних этот внутренний зов постепенно заглушается, у других же, напротив, усиливается в такой степени, что его невозможно утолить ничем, как только новой встречей с увиденным. И эта следующая встреча, как правило, несколько

не разочаровывает. Сгладившиеся, забывшиеся впечатления разгораются с новой силой. Кажется, что теперь все так бережно лелеемое непременно сохранится во всех своих восхищающих подробностях. Однако и в очередной раз происходит почти то же самое. Человек узнал нечто большее, однако понял, что внутренняя суть созерцаемого им до конца не постигнута: она бесконечно глубока и неисчерпаема. Она живет в виде яркого образа, постоянно питающего душу своей духовной энергией. Этот образ становится тем, что все-

гда присутствует в сердце, что вечно вдохновляет и в конце концов составляет предмет гордости, хранится и оберегается как самое дорогое и священное. Так, наверное, и рождаются святыни. Они обретают свой признанный статус, когда их образ охватывает большие массы людей. Более того, эти красивейшие ландшафты обычно оказываются связанными с памятью истории, овеванными ореолом мифов и легенд, и становятся своего рода символами национального, предметом всеобщего почитания.

Таких природных святынь немало на Алтае. Словно собрав воедино всю свою красоту, Сибирь воплотила ее на Алтае с необыкновенной щедростью и богатством. Не случайно известный исследователь, профессор Томского университета В.В. Сапожников назвал Алтай «жемчужиной Сибири». «Жемчужиной не только Сибири, но и всей Азии» возвеличил Алтай Н.К. Рерих, объездивший полмира.

Белуха

Главнейшая святыня Горного Алтая — Белуха. Ее всеобщее почитание увенчалось важным законодательным актом — Белуха внесена ЮНЕСКО в Список всемирного наследия природы.

Долгое время о ней лишь «шептали пустыни», а реальные черты высшей точки Сибири стали известны лишь в начале XX века по фотографиям Сапожникова. Тогда же появились и первые ее художественные изображения, выполненные замечательным живописцем, легендой сибирского искусства, алтайцем Г.И. Чорос-Гуркиным. Он организовал к ней специальные экспедиции в 1908 и 1926 годах и запечатлел ее многоликий облик в целой серии этюдов и картин.

Тогда же, в 1926 году, по Горному Алтаю пролегал маршрут Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха. Крупнейший русский художник вскрыл величавый образ Белухи — «Сумеру Азии», — связанный с мифами и легендами о Беловодье, с приходом Белого Бурхана, с пророчествами о великом будущем, предназначенном Алтаю.

Хотя и ранее туристов у Белухи было немало, но после опубликования рериховского наследия, словно бы увлеченные открывшейся тайной, к Белухе потянулись тысячи паломников со всего света. Однако увидеть Белуху не так-то просто. От ближайших машинных дорог к ней надо пройти не один десяток километров по опасным горным тропам, преодолеть перевалы. Однако ничто не останавливает увлеченных. К ней идут и идут большими и малыми группами.

Белуху называют Учь-Сумер (*учь* по-алтайски — три). Эти три ее вершины мощно возвышаются над окружающими хребтами и являются своего рода магнитами для облаков. Где-то появившись на небе, они рано или поздно приплывут к одной из ее вершин. Днем они плотно окутывают ее своим непрозрачным покровом, а к закату вымораживаются и почти все исчезают. И тогда ее высокие снега начинают рдеть в лучах уже закатившегося светила. Но эта магия длится недолго. Наступает ночь. Поутру с рассветом заснувшие было пряди туманов просыпаются и вновь начинают свое движение. Солнечные лучи то свободно играют на ледниках, то застревают в мутной пелене облаков, придавая Белухе ощущение чего-то живого. Голубой алтайский воздух смягчает цветовые контрасты

Гора Белуха. Фото А. Клюева

и сообщает нежным краскам мягкое сияние. В этой световой ауре совсем по-особому смотрятся выступающие изо льда и снега каменные утесы. Воображение наделяет их узнаваемыми, почти антропоморфными чертами. Подчас тут видится фигура Учителя в развевающихся одеждах, что-то несущая на своих руках.

Пожалуй, вид Белухи с севера наиболее величественный. Отвесной километровой стеной обрываются ее склоны к Ак-Кемскому леднику. Обычно снежные вершины Белухи бывают закрыты плотной завесой тумана или хмурых туч. Когда же Белуха открывается, то две ее пирамиды, «седло» между ними, западное плато и полукруглая вершина с востока поражают правильной организованностью своих форм. Совсем не хочется думать, будто перед тобой лишь случайное природное образование. Нет, тут видится что-то совсем иное, какой-то космический храм. И даже если это не так, все равно как замечательно, что на свете есть место, где дух трепещет от восторга и где можно преклонить колени перед величием и красотой.

Не менее торжественно выглядит Белуха с юга. Отсюда, с истоков Катуня, просматриваются только две ее вершины. Они вонзаются в небо как две упругие груди земли, из которых вниз, словно млеко Богини, стекают языки ледников, дающих начало белым водам священной реки Алтая.

С Берельского ледника Белуха предстает одним грандиозным массивом с мощной главой и широкими плечами, с которых каскадами ниспадают разорванные трещинами холодные глетчеры.

Восточный ледник Белухи — Мен-Су — более пологий и похож на застывшую реку. Ее исток теряется в заснеженных «водопадах», а ближе к устью она вспенивается высокими валами. Белуха встает над ними чередой вздымающихся белых склонов.

С запада к Белухе можно подойти из долины Мюшту-Айры. Там тоже большой глетчер, похожий на ледяное озеро, окруженное почти вертикальными стенами. Самые высокие из них — это грани Белухи.

Вся эта многоликость Белухи заставляет работать сознание в попытке представить ее цельный пластический образ. Когда-нибудь скульпторы сделают это и вылепят ее сложные архитектурные формы во всех подробностях. Сейчас же остается лишь позавидовать космонавтам, которые наблюдали Белуху из космоса. Говорят, что с высоты она выглядит как белая пятиконечная звезда.

Белуха стоит как молчаливый белоснежный гигант верным «свидетелем прошлого и поручителем будущего» (Н.К. Рерих). Ее сакральный об-

раз алтай-кижи представляют в виде четного количества конусов, которые для ритуальных целей лепят из хлеба или курута. С ней было даже связано одно важное пророчество: когда Белуха изменит свои очертания, настанет время новой религии. И когда в начале XX века со склонов Белухи рухнула большая глыба льда, это послужило сигналом к проповеди бурханизма.

Вообще культ гор в Азии и языческие верования алтайцев наложили свой отпечаток и на отношение к Белухе. Высокие горы почитались священными; возле них полагалось иметь мысли чистые, взор потупить, громко не разговаривать. Считалось, что у всякой горы есть свой дух, а у такой высокой и большой горы, как Белуха, дух должен быть особенно высокочтимым, божественным. Изображения своих божеств древние жители Алтая выбивали на скалах. Есть такие наскальные рисунки и сравнительно недалеко от Белухи.

Святылища

Петроглифы выбиты на утесе — огромном «бараньем лбе», стоящем над ручьем Куйлю. Ручей этот находится в среднем течении Кучерлы, текущей с западных глетчеров Белухи. Движение ледников обточило, сгладило пласты сланца своеобразным образом, создав уникальное творение природы. Даже на современного человека грот производит неизгладимое впечатление своими будто отполированными, уходящими винтообразно вверх каменными сводами. На фоне хаоса отвесных скал округлые женственные формы грота кажутся чем-то живым. Да и по своему буро-коричневому цвету они и впрямь напоминают хвостовое зеркало гигантской маралухи, ушедшей ногами в землю, а головой запрятавшейся в лесистый склон. Многие народы Сибири подобные необычные горные образования считали родовыми святы-

Грот Куйлю. Фото А. Клюева

нями, местопребыванием тотемного божества, «звериной матерью».

И действительно, ее изобразительный образ выбит здесь на скале, которую первой встречает охотник, входящий в долину. Этот образ предстает в виде зооморфного существа — рожавшей маралухи грандиозных, космических масштабов — Матери всего сущего. Из ее чрева выходят и птицы, и звери — их олицетворяют небольшие фигурки птицы и козлика.

В алтайском фольклоре до сих пор бытует сказочный сюжет о чудо-звере Мааны, большой, как вековой кедр. Сначала Мааны была одинокой, но потом родила семь разных зверей. Память о ней жива, поскольку дети Мааны по всей земле расселились. «Давайте же споем песню о Мааны-матери», — призывает сказка. Быть может, композиция на скалах Куйлю и есть одна из первых песен о материнстве, пусть еще воплощенная в анималистической поэтике, но все же по-своему художественная и прекрасная.

Однако самое замечательное горное образование у ручья Куйлю — это алтарь. Если необычна форма самого грота, то не менее удивительно, что в глубине ниши стоит правильной треугольной формы камень, как будто бы специально созданный природой для того, чтобы стать смысловым центром петроглифов. Здесь талантом и мастерством алтайских художников создавался уникальный художественный ансамбль первобытности.

Основу алтарной композиции составляют две маралухи с необычайно длинными шеями — сюжет, связанный с культом двух Матерей-Прародительниц, соотносимых с созвездиями Большой Медведицы и Малой Медведицы. Рядом с правой маралухой выбита фигура странного двуполого существа с большим фаллосом и женской грудью. Ноги у него — как ласточкин хвост, голова — как у ушастой совы, клюв — как у утки, хвост — как у рыси или волка. Существо это как будто бы изрыгает что-то из клюва-пасти прямо в рот маралухе. Так Мать-Прародительница в образе благородного оленя получает души от колдуна. Сам же колдун предстает великим божеством, которое не только олицетворяет производительные силы природы, но и является подателем душ, жизненной силы всего сущего. Это было космическое начало, все в себе вмещающее и воплощающее.

Колдун грота Куйлю — древнейшее божество Азии — громовник. Мужские черты колдуна сближают его с описанием Ульгения — владыки верховного мира в мифологии алтайцев. Если же исходить из женской ипостаси двуполого существа петроглифов Куйлю, то ближе всего ей глав-

Урочище Калбак-Таи. Фото А. Клюева

нейшая богиня алтайского пантеона — Умай. Умай — покровительница зверей и птиц, дающая кут — жизненное начало. Она является универсальным женским божеством, олицетворяющим плодородие. Умай покровительствует охотникам и выступает хозяйкой Белухи.

Выбитые рисунки есть также и в нижней части алтаря, а также слева и справа на скалах. Особую ценность составляют развернутые шаманистические композиции. Вообще самым древним рисункам более 4 тысяч лет. Поразительно и то, что процесс нанесения изображений здесь никогда не прерывался и продолжается и в наши дни. Есть тут датированные рисунки чабанов, которые они

Центральная композиция петроглифов Калбак-Таши

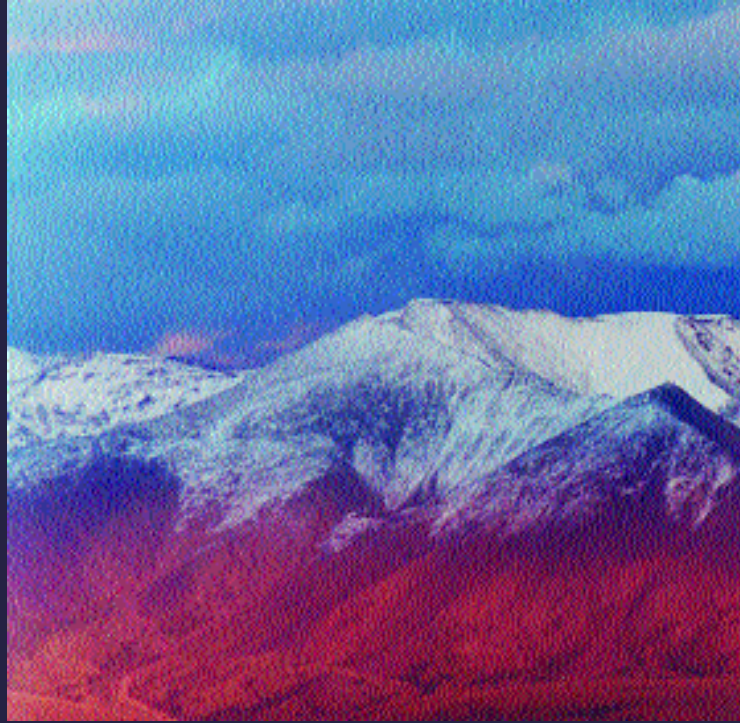
сделали совсем недавно в русле тех же традиций тысячелетней давности.

Все рисунки люди выбивали с надеждой на то, что все их образы обретут реальность. В свои изображения они вкладывали столько своих заветных чувств, столько энергии, что, кажется, эта намоленная за тысячелетия атмосфера существует вокруг этих скал и сейчас. Верится, что все эти человеческие наслоения рано или поздно будут «прочитаны».

Все это — магическая аура рисунков на скалах необычной формы, ритуальная площадка возле них, курганы-захоронения, памятные стелы — все это в комплексе составляет суть древнего язы-

ческого храма. Пожалуй, нигде на земле более нет такого количества природных святилищ, которые бы и по сей день привлекали помыслы местного населения и чтились ими как особые места, полные скрытого смысла.

Еще одно такое святилище — «Грот Куюс» на средней Катунь. Оно также примечательно архитектурой скал. Подходя к ним, ощущаешь себя внутри конусообразного объема, поверхность которого покрыта зооморфными изображениями. Они идут чуть ли не от самой земли далеко вверх. А еще выше, над гротом, на гладкой вогнутой поверхности, покрытой темной корочкой скального загара, выбиты по контуру крупные

В центре: петроглиф «Воин»

Слева: руническая надпись. Урочище Калбак-Таи

Плоскогорье Укок. Фото А. Клюева

фигуры маралов. Тут представлены самка, самец и теленок в едином, согласованном беге. Очерчивающие их линии по-восточному грациозны и полны внутренней динамики. Этот канонический образ «святого семейства» принадлежит к наиболее древним алтайским петроглифам, возможно, к концу неолитической эпохи. Рядом с гротом стояла высокая стела эпохи бронзы. На террасе Катуня неподалеку расположена серия курганов, каких-то выкладок из валунов. Вероятно, здесь происходило камлание шамана, не случайно на окружающих скалах выбито его изображение.

Святылище Калбак-Таш находится на скалистом берегу Чуи. Тут можно увидеть тысячи рисунков и рунические надписи. К центру святылища ведут широкие каменные ступени. У самых скал — площадка. Скалы же светлые, сложенные из отдельных блоков, что придает им сходство с иконостасом. Только время его создания не XV и даже не X век, а 2-е тысячелетие до н.э. Здесь выделяется серия маскированных быков с узорной проработкой силуэтов. Рядом — дружина богатырей; их возглавляет великан в такой же позе с полусогнутыми ногами, в грибовидном головном уборе.

Верхняя грань скал сглажена, и оттуда выглядывает огромное чудовище. У него раскрытая пасть с острыми зубами и когтистые лапы. Туловище же, столь напоминающее жабу, видно только сверху. У этого синкретичного монстра длинный с полосками хвост. Эта химера — своего рода символ злого начала или нависающий над миром «дамоклов меч». Возможно, в образах Калбак-Таша воплотилась вечная готовность к противостоянию стихийным силам природы, грозным опасностям, которые всегда, на каждом шагу ожидали древнего человека. Впрочем, нечто подобное можно пережить и в наши дни.

УКОК

Плато Укок расположено в южной части Алтая на высоте более двух тысяч метров. Плато Укок стало широко известным в последние годы благодаря раскопкам скифских захоронений с мумифицированными телами. Там с древних времен жили люди, хотя кругом лишь альпийские луга, вернее, редкие сухие холмы и болотистые пространства с озерами и озерками. Ни кустика, ни деревца, лишь широкий простор, замыкаемый белыми хребтами. Они встают тут сразу же, без каких-либо предгорий; просто при подъеме рельефа травянистый покров заменяется снежным. А надо всем властвует многоглавая Табын-Богдо-Ула — огромный массив, второй по высоте после Белухи. Однако в сравнении с ней здешние горы просматриваются хорошо с самых далеких подножий. Скал не видно, только сплошные снега, укутавшие все склоны.

Осадков тут действительно много, и дождевые тучи — характерный атрибут здешнего пейзажа. Причем плывут они не где-то далеко и высоко, а совсем рядом, почти что прямо над головой, чуть ли не задевая ее своими хмурыми лохмотьями. Зеленое плато здесь — словно сцена, облака же — действующие лица гигантского спектакля, зрителями которого вы являетесь. Декорации днем скромные — белая пелена тумана или клубы сизых туч с полосками дождя. А вот вечером, при закате, разыгрывается потрясающее сценическое действие.

К концу дня бесформенные массы водных паров перестают двигаться, собираются в кучу и приобретают странные причудливые формы. Чаще всего там создаются какие-то грандиозные чудовища. Они выглядят такими объемными и тяжелыми, что приходится удивляться, как это они еще держатся на небе, а не падают на землю.

Сияющие горы на закате. Плато Укок. Фото П. Воробьева

Обычно у этих облаков-химер огромное туловище, длинный-предлинный хвост, распластанный по небосводу, и страшный раскрытый клюв. Кажется, что небольшое облачко, застывшее неподалеку, вскоре будет достигнуто и навсегда исчезнет в его бездонной утробе. А вслед за тем чудище чуть наклонит голову и тут же склюет то, что еще осталось живым на земле. Спрятаться тут абсолютно негде. Ровное плато, и ты один на один, совершенно обреченный перед нависшим над тобой фантастическим хищником. Нигде, пожалуй, не ощущаешь такого чувства незащитности, как здесь, под зорким оком гигантского существа небес.

Мистический страх усиливается, когда облачный монстр начинает наливаться огнем. Закатные лучи, пронзая тучи, зажигают в них огненные клубы. Они расширяются, проворачиваются совсем как пламя разгорающегося пожара. Красные лучи добираются до клюва и... Тут уж почти не сомневаешься, что над тобой змей-горыныч, который вот-вот испепелит тебя огненным дыханием.

Но нет. Побагровев, он начинает остывать. Постепенно его мощь пропадает, сам он как-то съживается и через какое-то время вовсе истаивает. С приходом луны небосвод очищается почти полностью. Под мягким сиянием ночного светила все успокаивается, и на земле воцаряется тишина.

Как не станешь тут язычником, как не преклонишься перед стихиями, когда они рождают та-

кие устрашающие создания, а человек чувствует себя песчинкой в мироздании, беспомощной перед ликом могущественной природы?!

Однако бывают редкие дни, когда небеса сменяют гнев на милость и, кажется, приоткрывают перед человеком свои самые сокровенные тайны. Обычно погода в таких случаях стоит ясная. При закате же случается, что вдруг вдалеке запылают какие-то горы. То, наверное, зарделись застрявшие в снегах облака — так говорит тебе сознание, но кто знает...

А зрелище действительно видится чудесное. Там горы в ореоле полупрозрачной дымки светятся каким-то упоительным розово-золотым сиянием. Солнца не видно, лучится только эта небольшая область, словно тридцатое царство, где живет красота и счастье. Самое удивительное, что это не мираж, а захватывающая дух реальная картина. В такие минуты и в самом деле верится, что вот там и существует та заповедная страна, где можно встретиться с небожителями, где сбывается все, о чем мечтает человек. И если вечерние страхи проходят, то это чудесное видение, как целительная отрада, продолжает маячить перед глазами.

Утром все прошедшее кажется сном. На восходе разворачивается своя сказочная картина. Только чуть подсветился восток, как чья-то волшебная кисть вдруг провела по полотну гор, и все высокие снега разом окрасились в розовый цвет. Вокруг все

тихо-тихо, и вы, боясь нарушить эту тишину, в счастли-
вом изумлении наблюдаете, как неведомый кудесник
творит свое художество. Вскоре, однако, подножия гор
светлеют, красные блики бледнеют, а из-за горизонта
на противоположной стороне появляется солнце. Его

прямые лучи, столь яркие на высокогорье, сразу изме-
нили все окрест. Слепящий огненный шар растет бод-
ро и неудержимо. Полный диск выкатил в мир! Свет
пришел!!

Петроглифы Калбак-Таша. Фото А. Клюева

Григорий Иванович Чорос-Гуркин

«Какими красками опишу я тебя, мой славный Алтай?»

Каждый народ рано или поздно рождает личность, вклад которой в культуру столь весом, что она поднимает этот народ на особую высоту. Для алтайского народа такой личностью стал художник Григорий Иванович Чорос, впоследствии взявший фамилию Гуркин в честь своего деда — одного из первых телеутских поселенцев. Предки художника осели когда-то в селе Улала (ныне Горно-Алтайск), где живописная речка Улалушка впадает в реку Майму, вместе с которой несет свои воды в красавицу Катунь. Алтайский художник и ученый Г.И. Чорос-Гуркин (1870—1937) — автор более 5 тысяч картин, посвященных природе Алтая и своеобразной культуре своего народа.

Родился будущий художник 12 января 1870 года в семье обедневшего владельца кожевенной мастерской. И быть бы ему, как и отцу, шорником в селе Улала, если бы не страсть к рисованию. Образование, несмотря на способности, он получил небольшое — закончил приходскую школу, но для тех условий и это было немало. В этой же школе он получил первые уроки рисования у местного иконописца. Своё творчество он начал с копирования репродукций И.И. Шишкина, добавляя к ним какие-нибудь детали местного колорита, например, всадника. К удивлению отца, эти картины даже покупали заезжие купцы. Рисовал он и с натуры. Выросший на сказках своего народа о добрых и злых духах, он с самого начала по-своему изображал природу, органично вписывая в нее

сюжеты древних алтайских преданий.

Он рано начал работать школьным учителем в соседнем улусе, затем продолжил образование, как общее, так и иконописное, в Бийском духовном училище. Первой серьезной живописной работой Гуркина искусствоведы считают его картину «Камлание (Ночь жертвы)», написанную в 25-летнем возрасте. Эта картина впечатляет и на фоне его поздних работ, хотя несет отпечаток некоторой наивности.

В Бийске Гуркин подружился с молодым учеником регентских курсов петербургской певчей капеллы, будущим известным композитором А.В. Анохиным, который уговорил друга поехать в северную столицу, чтобы поступить в Академию художеств. Было страшновато, средств на поездку не было, Гуркин уже был женат — как оставить без средств семью? Год напряженных, до изнурения, заработков — и 800 рублей в кармане, из них половина — семье.

По пути в Петербург друзья заехали в Томск, получили от художницы А. Капустиной рекомендательные письма и небольшую сумму денег, собранных ею по подписке. Наконец, совершенно растерявшийся в сутолоке большого города, подавленный равнодушием всех, кому обращался, Гуркин с присутствующим ему упорством решает брать главную крепость своей жизни — Академию художеств. На что он рассчитывал? Ведь образование не открывало ему двери этой крепости. Швейцар с недоверием посмотрел на молодого человека и отказался его пропустить. По счастью, в это

время вице-президент Академии граф И. Толстой проходил мимо, и Гуркин с большой папкой рисунков отчаянно шагнул ему навстречу. Через некоторое время Гуркин был приглашен в зал, где шло заседание профессорского совета.

В Академию его не приняли, но зато Иван Иванович Шишкин предложил Гуркину работать в его мастерской. Судьбоносная встреча с учителем, работы которого юный Гуркин копировал в алтайском селе, состоялась. Учитель и ученик нашли друг друга. Известный пейзажист, уже больной, мечтал передать секреты своего искусства достойному, а ученик с упорством и радостью впитывал все, чем делился с ним мастер. Шишкин говорил, что природу надо изучать, видеть, слышать, надо знать внутреннюю жизнь каждого дерева, каждого листика, которые рисуешь. И еще он учил, что художнику нужно избирать что-то одно, то, что ему больше всего понравилось. «И вам советую полюбить одно. Только тогда будете с успехом совершенствовать любимое».

И Гуркин не пренебрег советом. Он нашел и полюбил свое «одно» — Горный Алтай с его взлетающими в небо вершинами, стремительными реками, высокими травами, задумчивыми и загадочными озерами, где все составляет единое живое и таинственное целое. Все было для него родным и понятным, он не изменил своей единственной теме до конца жизни.

Весной 1898 г. Шишкин скончался прямо у мольберта на руках своего ученика, едва успевшего подхватить его. В Акаде-

Морозное утро на Катунь. 1907

Хан-Алтай. 1907

мию художеств Гуркин все-таки поступил (1889), правда, вольнослушателем. В то время он уже достаточно сложился как художник. Каждое лето уезжал к себе на родину и привозил этюды, которые подтверждали его растущее мастерство. Добывая средства к существованию, он не гнушался никакой работой. И очень тосковал по своим местам: «Далеко, далеко на чужбине я от тебя, мой милый, мой дорогой Алтай! За сотни, за тысячи верст! Я здесь один, я им чужой, и мне чужда их природа. Их шум, толкотня и блеск надоели мне. Мне скучно здесь, мне грустно! И меня зовет и манит туда, к тебе... на простор, на свободу...»¹

В начале XX столетия Гуркин стал популярен среди петербургских любителей живописи. Его приглашают участвовать в регулярных осенних академических выставках, в выставках передвижников и Общества поощрения художеств. В 1903 г. работы Гуркина представлены «на Высочайшее Его Императорское Величества благозрение»². Ему разрешили представить картину на соискание звания художника, он работает над ней. Но в начале 1905 г. из-за студенческих волнений в Академии художеств прекращаются занятия.

Гуркин, теперь уже совсем, возвращается на Алтай. Он поселяется в селе Анос на левом

берегу Катуня, у подножия горы Ит-Кая. Своими руками строит светлую мастерскую, оборудует пруд, традиционную шестигранную юрту, выращивает прекрасный сад, занимается хозяйством. И творит. В Сибири о Гуркине заговорили после передвижной выставки петербургских художников. А после персональной выставки в Томске в 1907 г. он стал первым пейзажистом Сибири — так написал о нем журнал «Нива»³. Выставку посетило более пяти тысяч человек. Сибиряки увидели — вот он какой, Алтай, уже давно привлекающий общее внимание. И сама Сибирь, оказывается, вовсе не медвежий

Озеро горных духов. Без даты

угол, а красота несказанная. Персональные выставки повторяются — снова в Томске, в Иркутске, Красноярске, Барнауле. Его картины покупают, заказы следуют один за другим, а это означает свободу для новых творческих поисков, новых экспедиций по Алтаю.

Дом Гуркина в Аносе стал своеобразным культурным магнитом, он открыт для всех, кто интересуется его искусством и Алтаем. Частый гость в Аносе — известный исследователь Азии Г.Н. Потанин, которого связывает с художником многолетняя дружба и которого Гуркин считает своим духовным наставником. В свою очередь Потанин становится одним из активных популяризаторов творчества Гуркина. Долголетняя дружба связывала Гуркина с писателями Г.Д. Гребенщиковым и

В.Я. Шишковым. Оба трепетно любили Алтай и не упускали возможности побывать в гостеприимном Аносе. Не забывает Гуркина и незаменимый друг и сотоварищ Анохин. Постоянные посетители — курортники Чемала, этот курорт был очень популярен в Сибири, особенно среди профессуры Томского университета. «Хозяин всем рад, — вспоминает один из современников, — рослый, с добрым монгольским лицом, как всегда в ситцевой рубашке и высоких сапогах, он выходит гостям навстречу»⁴.

Летом 1908 г. Гуркин совершает первое большое путешествие к самой высокой вершине Алтая — Белухе, на такое восхождение отважились до него немногие. Там, на высокогорье, он открывает для себя новые способы и приемы изображения

в условиях особой прозрачности атмосферы. Подобные экспедиции повторяются еще и еще. Художник не придумывает Алтай, он видит, чувствует его. Гуркин не только живописец, но и ученый, его привлекают места, изобилующие древнеалтайскими памятниками — курганами, могильниками, каменными идолами, он тщательно их зарисовывает, мечтая о картинах на тему далекого прошлого Алтая.

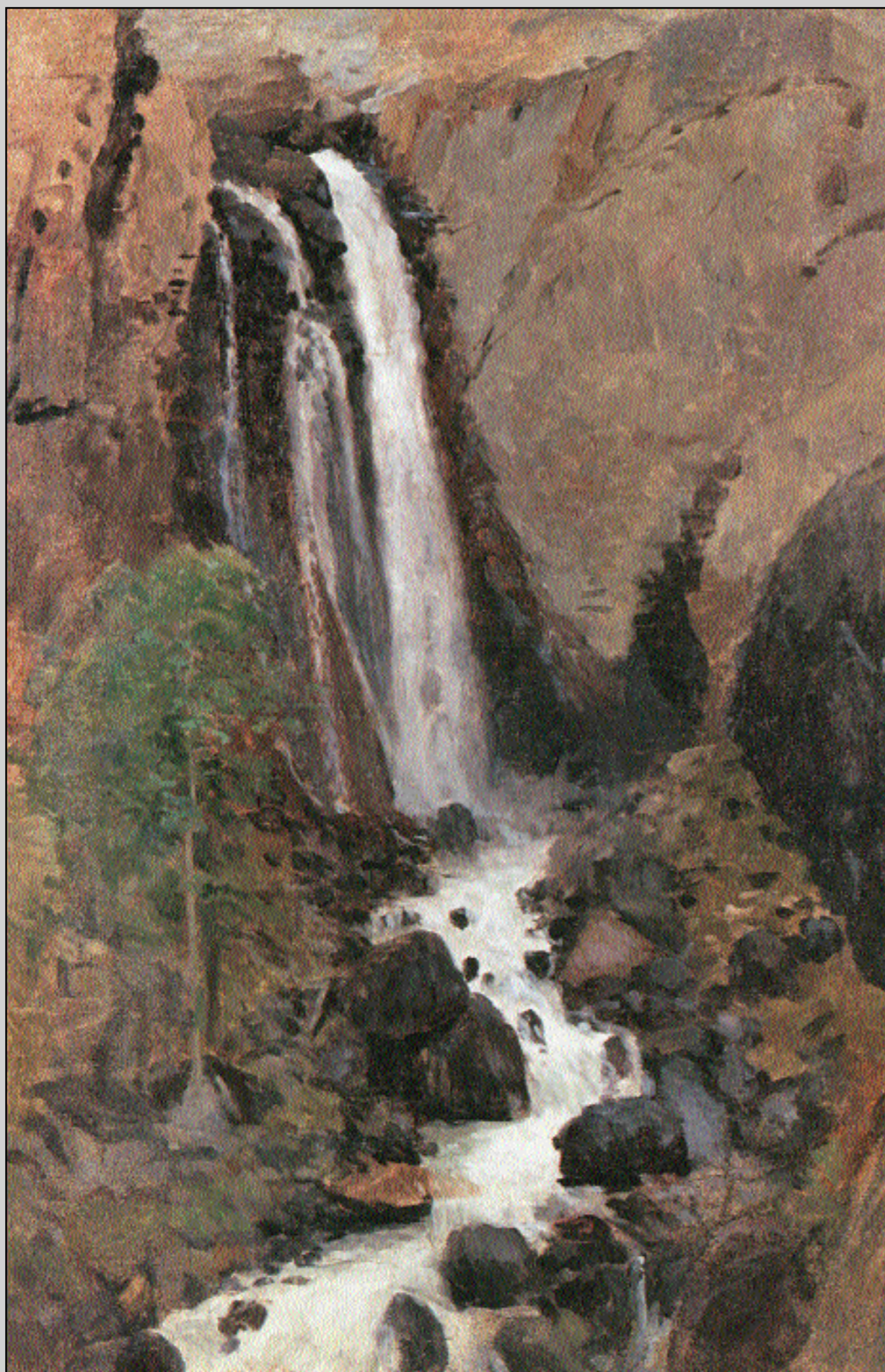
С приближением революции растет беспокойство художника за судьбу своего народа. Он боится, что с приходом новой жизни алтайцы потеряют свою самобытность и духовную связь с природой. Он не состоял ни в одной партии, но, не искушенный в тонкостях политической борьбы, оказывался в нее втянутым то по одну, то по другую

¹ Чорос-Гуркин Г.И. Алтай (плач алтайца на чужбине). В кн.: Памятное завещание. Алтайская дореволюционная проза. Горно-Алтайск, 1990. С. 217.

² Эдоков В.И. Возвращение мастера. Горно-Алтайск, 1994. С. 29.

³ Стрельцов В.А. Гуркин Г.И. Л., 1966. С. 21.

⁴ Стрельцов В.А. Гуркин Г.И. С. 23.

Водопад Катунь-Ярык. Без даты

сторону баррикад. Все кончилось тем, что Гуркин в 1920 г. с двумя сыновьями уехал по Чуйскому тракту сначала в Монголию, а потом в Туву. И опять работа на новом природном материале (на его картинах оживают тувинские грустные озера), и опять тоска по Алтаю.

В октябре 1924 г. Гуркин пишет в Комиссариат иностранных дел СССР покаянное письмо с просьбой разрешить ему вернуться на родину, чтобы «через искусство, науку и честный труд служить алтайскому народу»⁵. Разрешение получено. В Новосибирске он устраивает выставку своих новых работ. Его усадьба в Аносе национализирована, жена с двумя детьми живет в чужом доме. Пройдет немало лет, прежде чем он сможет вернуться в Анос и создать приличные для живописной работы условия. Но времени он не теряет. Участвует во Всесоюзной выставке в Москве (1926), Общесибирской выставке (1927), путешествует по Алтаю. Организует детскую художественную школу. Очень много работает, строит грандиозные планы. Пишет в письме к дочери: «Моя жизнь для меня лично — это красивая сказка»⁶. К сожалению, сказка трагически оборвалась — в 1937 г. Гуркина арестовали и расстреляли как врага народа (с последующей реабилитацией в 1954 г.). Даже могила его неизвестна.

Сегодня картины Григория Ивановича Чорос-Гуркина есть в музеях почти всех городов Сибири и во многих городах мира. В юбилейные даты, к 125-летию и 130-летию со дня рождения художника, в Горно-Алтайск приезжали многие почитатели и исследователи его творчества.

Гуркин писал маслом, акварелью, карандашом, пером, уг-

лем. Любимые темы объединял в серии — «Окрестности Аноса», «Катунь», «Высокогорные озера», «Алтайские водопады», «Белуха», «Типы алтайцев» и другие. Это была его особенность как живописца — накапливать впечатления, чтобы потом прийти к обобщению. В последние годы он увлекся портретом и жанровой живописью. Картины наряду с богатейшей коллекцией этнографических зарисовок дают право называть Гуркина ученым этнографом, сохранившим для потомков уходящий быт и образ жизни алтайского народа.

Оставил Гуркин свой заметный след и в литературной жизни Сибири. Он был одним из первых алтайцев, писавших на хорошем литературном русском языке, по-русски говорил без акцента. Вместе с Гребенщиковым и Шишковым он работал в Томском еженедельнике «Сибирская новь» и в «Алтайском альманахе», где выступал не только как художник, но и как литератор. Его очерки, эссе — это поэтические картины, основанные на фольклорном материале. Его комментарии к собственным картинам представляли собой прекрасные стихи в прозе: «По понятиям алтайцев, Алтай не просто горы, леса, реки, водопады, а живой дух, щедрый, богатый исполинский великан. Сказочно красив он своей многоцветной одеждой лесов, цветов, трав. Туманы, его прозрачные мысли, бегут во все страны мира. Озера — это его глаза, смотрящие во Вселенную. Водопады и реки — его речь и песни о жизни, о красоте земли, гор...»⁷

Обо всех картинах Гуркина в коротком очерке не расскажешь. Но все-таки около двух работ хочется задержаться подольше. Еще живя в Петербурге, в часы

тоски по родному Алтаю, Гуркин замыслил и в 1907 году написал, может быть, самое значительное свое произведение — «Хан-Алтай». К этой теме художник вернулся и в свой последний год. Путешествуя по Алтаю, он написал множество этюдов, и все свои впечатления синтезировал в одно обобщенное полотно, дополнив его стихотворением в прозе. Алтай, изображенный на картине, поражает богатырской мощью и удивительной мелодией красок и линий:

«Треуголен ты, Хан-Алтай,
Когда взглянешь на тебя с высоты,
Со стороны поглядишь на тебя,
Ты блестящий, как девятигранный алмаз!
Когда же со скала горы окинешь взором тебя,
То, как плеть расплетенная, тянущая хребты твои!»⁸ Эта картина (вариант 1907 г.) демонстрировалась на многих выставках. В январе 2000 г. в Томском художественном музее по случаю юбилея Г.И. Гуркина была выставлена одна эта работа. Казалось, она заполнила все пространство небольшого светлого музейного зала и удивительным образом расширила его, увлекая в мир ледяных гигантов, в мир гор, уходящих к далекому горизонту. И все это видится с высоты птичьего полета. Воистину велик ты, Хан-Алтай — Царственный Алтай!

Другая значительная работа Гуркина — «Озеро горных духов (Дены-дерь)». На выставке в Томске в 1910 г. она была признана самой популярной и самой поэтической картиной. Озеро на этой картине изображено так, как его понимали алтайцы, — «живым, говорящим и смотрящим». Потанин писал об этой картине: «Алтайцы различают «Дены-дерь» и «Алысь-дерь». Алысь — мифическое место, где вечно царит полумрак,

⁵ Гуркин Г.И. Письмо от 15.05.1924. В кн.: Образцов Г.А. Гуркин Г.И. — алтайский художник-пейзажист. Горно-Алтайск, 1958. С. 15.

⁶ Гуркин Г.И. Письмо от 7.01.1935. В кн.: Эдоков В.И. Возвращение мастера. Горно-Алтайск, 1994. С. 172.

⁷ Чорос-Гуркин Г.И. Алтай (плач алтайца на чужбине). В кн.: Памятное завещание. Алтайская дореволюционная проза. С. 219.

⁸ Там же. С. 221.

Телецкое озеро. 1912

где никогда не бывает солнца: там обитают злые духи и там любимое место злого начала Эрлика. В противоположность этому Дены представляется местностью чистой, не оскверненной...»⁹

Впечатление от этой картины замечательный писатель-фантаст И. Ефремов описал так: «Картина светилась в лучах вечернего солнца своими густыми красками. Синевато-серая гладь озера, занимающего среднюю часть картины, дышит холодом и молчаливым покоем... Я стал снова всматриваться, и такова была тонкость работы художника, что чем больше я смотрел, тем больше деталей как бы всплывало из глубины картины. У подножия конусовидной горы

поднималось зеленовато-белое облако, излучавшее слабый свет. Перекрещивающиеся отражения этого света и света от сверкающих снегов на воде давали длинные полосы теней, почему-то красных оттенков. Такие же, только более густые, до кровавого тона пятна виднелись в изломах обрывов скал. А в тех местах, где из-за белой стены хребта проникали прямые солнечные лучи, над льдами и камнями вставали длинные, похожие на огромные человеческие фигуры столбы синевато-зеленого дыма, или пара, придававшие зловещий и фантастический вид этому ландшафту.

— Не понимаю, — показал я на синевато-зеленые столбы.

— И не старайтесь, — усмехнулся Чоросов. — Вы природу хорошо знаете, но не верите ей.

— А сами-то вы как объясните эти красные огни в скалах, сине-зеленые столбы, светящиеся облака?

— Объяснение простое — горные духи, — спокойно ответил художник¹⁰.

Дальше Ефремов рассказывает об открытии самородной ртути на этом озере, вызывающей тяжкие последствия для всех его посетивших. Трудно сказать, где тут была, а где фантастика. Я не раз бывала в краях Мультинских озер и мне не доводилось слышать об открытии самородной ртути. Но рассказы старожил об озере, где нельзя долго

Алтайцы. 1907

находиться, так как с человеком начинает твориться что-то непонятное, слышать приходилось. В любом случае место, изображенное на картине Гуркина, столь красиво, что оно не может быть прибежищем зла.

Григорий Иванович Чорос-Гуркин, «легенда сибирского искусства», художник-самоучка из далекой глубинки, силою своего духа и таланта воспел родной Алтай, открыл его миру, словно впервые. Мы знаем, что почти в то же время свое весомое и поэтичное слово об Алтае сказал великий художник и мыслитель — Николай Константинович Рерих.

Их жизни, при всей несопоставимости масштабов личности и меры таланта, в чем-то неуло-

вимо перекликаются. Почти ровесники, оба живописцы и оба необычайно трудолюбивы (Гуркин оставил после себя 5 тысяч картин, Николай Рерих — более 7 тысяч), оба трепетно любили своих учителей — И. Шишкина и А. Куинджи, которые умерли на руках своих учеников. Участвовали в одних выставках, имели общий круг знакомств в художественной среде. Оба были определены в шпионы — впрочем, в то время это звание присваивалось многим... Пересекались ли их жизненные тропы? Документальных подтверждений этому нет. Но несомненно одно: разделенные километрами, образованием, судьбами, они словно прошли где-то рядом на духовном плане бытия. Григорий Гуркин и Николай Ре-

рих не только живописали Алтай, но и воспели его, оставив прекрасные поэтические образы. И оба они одинаково понимали и чувствовали его особую значимость.

В статье использованы репродукции картин Г.И. Чорос-Гуркина из альбома издательства «Ак чечек», 1994 г., и каталога выставки Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея, изд. «Ак чечек», 1995 г.

⁹ Потанин Г.Н. Художественные вести // Сибирская жизнь. Томск. 20.11.1909. С. 2.

¹⁰ Ефремов И. Озеро горных духов. Сочинения. Т. 1. М., 1975. С. 68.

А.В. Клюев

Фотоальбом «Лики Алтая»

Истина снимка

Глядя на фотоработы Андрея Клюева, начинаешь явно понимать, что фотография — это не техника производства красивых копий окружающего мира и не способ сохранения наглядной памяти о прошлом. Подлинная фотография — искусство схваченного мгновения, в котором просвечивают Лики Вечности. Где объектив и фотопленка — не более чем средство донесения до других истинной реальности, открывшейся взору художника. В конце концов истина — в своем исконном значении — это то, что действительно есть, вопреки тому, что нам мнится; что существует на самом деле в противовес нашему привычному чувственному образу мира. Соответственно и фотография в аутентичном смысле этого слова (от греч. *photos* — свет и *grapho* — пишу) есть дар видения и запечатления света истинного мира, сокрытого от обычных земных очей. И совсем не случайно Андрей Клюев так любит работать в классической технике, дающей наилучшую возможность чувствовать и прорисовывать свет, а в его цветных снимках так много гор, неба и облаков, ведь именно на горных высотах мир земной теснее всего соприкасается с надземным. Но чтобы суметь поймать мгновение, когда ландшафт раскрывает свою тайну, облака складываются в знаки иной реальности, а лицо человека выражает душу своего народа, — фотохудожник должен любить то, что он снимает, поскольку свет истинного бытия открывается только любящему сердцу. В произведениях Андрея Клюева присутствует высокое мастерство, а некоторые его работы, особенно выполненные в старой технике, можно назвать художественными фотогравюрами; но самое главное — в них есть любовь и есть сердце.

А.В. Иванов

Урочище Елангаи. Слайд. 1995

Вечер на Укоке. 1999

Утро на Укоке. 1999

Золото Укока. 1999

Андрей Иванов

Дух перевала Чике-Таман

Перевал Чике-Таман —
путевой рубеж Алтая.
Проступает сквозь туман
борода его седая.

Из-под шапки облаков
взор, как меч, сверкает острый:
«Вижу блеск чужих подков!
С чем пожаловали гости?»

Ну-ка ветер, мой шаман,
бей, кружась, в гранитный бубен —
знают пусть: Чике-Таман
и хранит людей, и губит.

Заповедан переход
гордецу и самозванцу.
Лишь обычай чтящий — тот
сможет на меня подняться;

по моим крутым плечам
он взойдет к орлиным гнездам,
к густохвойным кедрочам,
где цветут ночами звезды!

Если бы ты, путник, знал
тех, кого принять спешил я:
дерзкий Шюна, Чингисхан,
сам великий вождь Ашина —

здесь, остановив коней,
кааны спешивались, чтобы
из причудливых камней
в честь мою поставить обо.

Ну а ты-то — что несешь?
Что в твоей душе сокрыто —
пламя правды или ложь,
свет или черная обида?

Распознаю в миг обман —
Дух мой умудрен веками», —
так речет Чике-Таман,
убеленный облаками.

Застывает караван,
чтоб Хозяина восславить:
«Чтим тебя, Чике-Таман,
твою каменную память.

Наши помыслы — чисты.
Мы — друзья сынов Ашины!» —
Луч кристальной чистоты
указует путь к вершине.

Мерно вьется серпантин
среди всклокоченных гранитов.
Остается треть пути
до кочевий теленгитов;

полпути до Ташанты,
до истоков дивной Чуи.
Конь не слушает узды,
зов родных степей почуяв.

Не упрямясь, конь гнедой, —
здесь легко сломать колени.
Там внизу тебя водой
напою из Ильгумени.

Дальше — будет Яломан
и Иня, где столько яблок.
Добрый Дух Чике-Таман! —
взял тебя с собою я бы,

не получится — а жаль,
но у всех свое служенье:
Духам Горным — твердь держать;
людям — вечное движенье!

Дух перевала Чике-Таман. 1996

Око. 1999

Небесная стрела. 1995

Очи-Бала. Бром-офорт. 1999

Сайлогем. 1997

Калбак-Таш. 2002

Озеро горных духов. 1999